

АЛЕКСАНДР МАЗИН

КНЯЖЬЯ РУСЬ

Варяг

Александр Мазин
Княжья Русь

«Автор»

2010

Мазин А. В.

Княжья Русь / А. В. Мазин — «Автор», 2010 — (Варяг)

Сын великого Святослава Владимир победил. Теперь он – великий князь Киевский. Правление свое он начал с разрушения христианских церквей и воздвижения капищ. Но на одном лозунге «За старых богов!» государства не построишь. Надо воевать с врагами, надо оборонять рубежи, собирать сильную дружину, искать союзников и карать врагов. Трудно строить державу молодому князю, не только славному, но и любвеобильному. Но у него получится. Государству Русь – быть!

© Мазин А. В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

От автора!	5
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	26
Глава шестая,	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	38
Глава девятая,	45
Глава десятая	52
Глава одиннадцатая	55
Глава двенадцатая,	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Мазин

Княжья Русь

От автора!

Дорогие мои читатели! Я искренне рад тому, как был воспринят «Язычник». Было у меня опасение, что переход, пусть и постепенный, через «Князя» и «Героя», от жанра авантюрно-приключенческого к жанру «классического» исторического романа будет труден не только для меня, но и для вас. Тем более радостно было узнать, что современный читатель готов понимать и принимать действительно сложный текст. Текст, в котором Госпожа История не просто фон, контекст, а главная составляющая сюжета.

Спасибо всем, кто не счел за труд в той или иной форме высказаться по поводу моей трактовки событий того времени. И соглашусь с теми, кто считает, что никто и никогда не узнает в точности, как всё это было на самом деле. С позиции исследователя можно говорить лишь о большей или меньшей степени достоверности.

А вот с позиции писателя никакой двойственности быть не может. Чтобы вы, друзья мои, поверили мне (а иначе я был бы никудышным писателем), я должен *видеть* то, о чем рассказываю. Как писал в свое время Роберт Макки в книге «История»¹ о нас, писателях: «Я считаю, что мы не отвечаем за излечение социальных недугов, возрождение веры в человечество, за воодушевление общества и даже не должны раскрывать свою внутреннюю суть. У нас есть только одна обязанность – *говорить правду*».

Вот, собственно, и всё. И вот почему и в этой книге нет истории обращения Владимира. Увидеть *эту* правду я пока не сподобился.

Однако история преобразования княжьей руси, ближних и дальних торговых и воинских представителей киевского князя в *государство*, в централизованную *державу*, по-моему, вполне достойна отдельной книги.

Ну а для тех, кто все-таки предпочитает авантюрно-приключенческую литературу, добавлю: приключений в этом романе хватает. Как всегда – в переломные эпохи.

Древние китайцы желали своим врагам «жить в эпоху перемен». Но нам, живущим именно в такое время, время создания и крушения империй, время стремительных и необратимых изменений, нам это привычно. Однако чтобы выживать и побеждать, одной привычки мало. Необходимо хотя бы примерно представлять собственное будущее. И не в контексте «всё плохо, а будет еще хуже», а с пониманием, со знанием того, что будущее – будет. А для этого нам просто необходимо время от времени оглядываться назад. Нам просто необходимо знать историю мира, в котором мы живем, чтобы смотреть на события не с крышки помойного бачка, а с высоты тысячелетнего опыта человечества.

Ну и кроме того это просто очень интересно. Ведь никакой писательской фантазии не хватит, чтобы придумать такие сюжеты, какие запросто создавала Госпожа История.

¹ «Story», так называется эта книга. То есть история – в смысле рассказ, а не наука. В русском переводе ее название «История на миллион долларов». Но это уже особенности нашего менталитета.

Вступление, ориентированное главным образом на тех, кто не читал предыдущих книг

Краткая историческая справка

Время – девятьсот восьмидесятый год от Рождества Христова, если исходить из отечественных источников.

Владимир только-только вокняжился в Киеве. Город он занял мирно (силой бы вряд ли взял), затем хитростью, с помощью боярина Блуда, доверенного лица Ярополка, Владимир заманил своего единокровного брата в ловушку, где Ярополк был людьми Владимира предательски зарезан.

Учитывая, что третий сын Святослава, Олег, был убит (вернее, погиб от несчастливой случайности во время усьобицы с Ярополком), то конкурентов у Владимира больше нет.

Однако положение у князя непростое. Он пришел в Киев, поддержанный северянами (новгородцами и другими), а поддержку эту ему обеспечила не только извечная вражда Новгорода и Киева, но и обещание выкорчевать посаженные еще Ольгой ростки христианства. Его девизом было «За старых богов!», и он пользовался безусловной поддержкой всех язычников, включая и большинство киевских ревнителей старой веры. Это было тем более удобно, что по языческим канонам убийство Ярополка шло Владимиру в плюс, а не в минус. Убийца вождя – законный его наследник.

Однако сил ополчения для победы было явно недостаточно, поэтому с Владимиром в Киев пришли скандинавы. Тут были и люди из собственной дружины Владимира, и его родственники, и обычные наемники-викинги, рассчитывавшие пожить в богатых городах Гардарики. Публика самая разная. Например, брат первой жены Владимира Олавы. И племянник Владимировой воеводы Сигурда, совсем юный, но уже весьма шустрый Олав Трюггвисон – сын убитого конунга Норвегии. И еще прорва всякого сброда, крайне огорченного тем, что Киев не был взят силой и, следовательно, не отдан на разграбление.

Собирая войско, Владимир взял на себя немалые обязательства. Теперь по этим обязательствам надо было отвечать.

Обязательства перед наемниками-скандинавами были денежные, перед язычниками-словенами – моральные. Ответить по вторым было проще. Христиан Владимир прижал легко: порушил церкви, возвел капища и тем изрядно укрепил свои политические позиции.

А вот разобраться со скандинавами было посложнее. Денег у Владимира было – в обрез. Гражданская война – удовольствие недешевое и малоодоходное. Первым делом он разделил силы «противника». Часть его сторонников-скандинавов получила бонусы – земельные наделы. И сразу оказалась в оппозиции к тем, кто получил дырку от бублика. Так у Владимира появилась возможность (то есть – сила) сообщить остальным наемникам, что платить по счетам он не собирается. Тем более что Владимиру они были больше не нужны. Теперь его главными противниками были степняки-печенеги, а в степи от пешего войска викингов толку немного. Викингам такой оборот событий, как и следовало ожидать, пришелся не по вкусу. Прямо выступить против Владимира им теперь было не по силам, а вот расползтись по окрестностям и грабить его подданных – это запросто.

Проблему надо было решать, и решать быстро, потому что «бесхозные» викинги были не единственной опасностью. Были еще поляки, захватившие на западе кусок владений киевских князей – так называемую Червонную Русь. Были «партизаны» в землях кривичей (те, кто слу-

жил убитому Владимиром Рогвольду), были племена-данники, которые воспользовались случаем, чтобы выйти из-под протектората киевских князей.

Владимиру предстояло решить все эти проблемы. И не откладывая. Надо было срочно показать свою силу. Да, конкурентов на киевское княжение у Владимира не было. Однако если не принять срочных мер для удержания подданных земель, то существовал риск того, что от немаленькой державы, контролирующей огромную территорию, останется одно только Киевское княжество. Обидно, однако.

Краткая сюжетная справка

Одним из главных героев «варяжского цикла» («Княжья Русь» – шестая его книга) является выходец из двадцатого века Сергей Духарев, он же – боярин Серегей, воевода князя Святослава, человек в Киеве весьма уважаемый и авторитетный. Вдобавок – невероятно богатый, потому что унаследовал от брата своей жены (и расширил изрядно) развитую торговую сеть, состоящую не только и не столько из движимого и недвижимого имущества, сколько из полезных связей и контактов. Позиция Сергея усиливалась доскональным знанием геополитической ситуации как на западе, так и на востоке. А также тем, что киевский боярин Серегей одновременно являлся полноправным гражданином ряда городов Западной Европы (что давало ему права на выгодную торговлю и доступ к первым лицам) и законным, даже титулованным гражданином Византии, что опять-таки давало ему права торговать в Восточно-Римской империи. Чужеземцам такое не позволялось. Они могли лишь продать свои товары византийским перекупщикам (часто по фиксированным и изрядно заниженным ценам) и купить у них то, что разрешено к экспорту Палатием.

У боярина Серегея было два сына. Артём – воевода Ярополка, а затем и Владимира, муж внучки князь-воеводы Свенельда и посаженный (Владимиром уже) князь Уличский – один из тех, кто должен был защищать границы княжества от набегов.

Второй сын, Богуслав, – попроще. Он – сотник киевской дружины, но в жизни успел многое. Например, стать любовником дочери Рогвольда Полоцкого Рогнеды. Еще до того, как Владимир убил Рогволта и сделал его дочь своей младшей женой. О связи Богуслава и Рогнеды он, к счастью, не знает. Еще младший сын боярина Серегея успел поссориться с главным жрецом Сварога, и тот, обиженный, устроил так, что имя Богуслава оказалось на жребии, который указывал на будущую жертву, угодную Сварогу.

Жребий этот забрал Владимир, который, во-первых, был немало обязан роду Серегея, а во-вторых, был главным жрецом одного из конкурентов Сварога – варяжского Перуна.

Забрал, но не аннулировал, так что жизнь Богуслава всё еще была под угрозой.

Тем более что Богуслав – христианин. Как и все в роду боярина Серегея. А еще жена боярина Сладислава – внучка болгарского царя по женской линии. Об этом, впрочем, знают только она сама и ее муж.

Кроме того, у боярина Серегея имеется дочь. Она замужем за Йонахом, сыном Машега, давнего друга Серегея и одного из самых знатных хазарских вождей, едва не казненного своим каганом, но сохранившего влияние, изрядную часть богатств и замечательные воинские навыки степного вождя в двадцатом поколении.

Такова общая картина. Должен также напомнить, что и Сергей Духарев, и его потомки – герои, придуманные самим автором. Однако они вписаны в исторический контекст так, чтобы их присутствие никоим образом не влияло на ход настоящей истории.

Вот, пожалуй, и всё. Более подробная информация – в предыдущих книгах.

Часть первая ПЕРУН И СВАРОГ

Глава первая ЖЕЛЕЗО И ДЕРЕВО

Темна южная ночь. Тьма лежит и над Горой, и над Подолом. И над новоставленным капищем старых богов, и над древними замшелыми идолами, спрятавшимися под сенью резных дубовых листьев.

Здесь, за частоколом черных от времени бревен со вздетыми на них оберегами, звериными и человеческими черепами, укрылась низкая темная изба, в которой на жертвенных овечьих шкурах спят вповалку сытые и пьяные «сварожьи дети», младшие служки страшного чужим и своим древнего бога.

Старшие сварги почивают отдельно, за кожаным пологом. Кто – сам, кто – с девкой. Все как на подбор кряжистые, бородатые, суровые даже во сне.

И уж совсем наособицу, за дубовыми дверьми, на мягком ложе из овечьей шерсти покоится главный служитель могучего Сварога. Кудлатая крупная голова главного жреца уютно лежит на мягкой груди дебелий пшеничнокосой девки. Вторая девка, такая же телистая и сисястая, сама устроилась на сварговой груди, и распущенные волосы ее мешаются с кудрявой, как шерсть барашка, сварговой бородой.

В головах ложа, крохотным теплым огоньком, – масляная лампа. Натешившимся плотскими радостями спящим свет не мешает.

Над ложем висит густой дух браги и любовного пота, однако чья-то заботливая рука уже побеспокоилась о будущем пробуждении главного жреца, и на полу, рядом с «ночным» горшком, – вместительный кувшинчик с капустным рассолом.

Огонек изложницы – единственное светлое пятнышко на всем спящем капище, и это – на руку тем двоим, что среди ночи закинули крючья-когти на украшенные черепами колья изгороди.

– Медведь? – чуть слышно спросил один из них.

– Был да сдох, – так же тихо ответил второй. – Брагой опоили.

– Вот дурни, – первый блеснул улыбкой. – Вперед, брат?

– С Богом, – ответил второй, и оба, слаженно, быстро перебирая веревки руками, взлетели на частокол и прыгнули вниз.

Однако ж не все живое спало на капище. Спали только люди. А вот огромные кудлатые, полудикие, вскормленные жертвенными внутренностями волкодавы стражу несли бдительно. Свирепые псы не лаяли. С густыми утробным рыком они набросились на незваных гостей. Чтобы убивать чужих, им не требовалась помощь человека.

Но – не в этот раз. Двое «гостей», еще в прыжке, добыли оружие: один – недлинный мощный лук, другой – чуть изогнутую саблю. Трижды щелкнула тетива, трижды сверкнула сталь, вспарывая и густую шерсть, и толстую шкуру, и плотные мышцы, будто горячий нож – масло. По-иному и быть не могло для клинка и руки, поставленных на железную чешую панцирей.

Шесть зверей легли на землю, тут же пропитавшуюся кровью.

Стрелок, наклонясь, быстро и умело вырезал стрелы из собачьего мяса.

Второй застыл, ожидая и настороженно вслушиваясь в ночь.

Несколько мгновений – стрелок выпрямился, и оба «гостя», бесшумно и быстро, бросились к избе.

Дверь была открыта – для свежего воздуха, но дух внутри все равно был тяжелый, затхлый. Двое «гостей», никого не потревожив, проскользнули между спящими. Один откинул полог во вторую клеть, второй проник внутрь и чуть слышно прищелкнул языком. Первый проследовал за ним.

Дверь в третью клеть была закрыта. Сквозь щели пробивался желтоватый свет.

Первый достал из сумки на поясе маленькую склянку с маслом и капнул на дверные петли. Второй приоткрыл дверь. «Гости» проникли внутрь.

Главный жрец спал. Из раззявленного рта вырывался храп и смрадный дух перегара.

Двое – один оказался чернявым, второй – светловолосым – разом взяли спящих девок за белые горлышки.

Девки трепыхнулись было, но через пять дюжин ударов сердца так же разом обмякли. Обе были живы, но разбудить их теперь было бы трудно.

«Гости» переглянулись и улыбнулись друг другу, дружно подхватили девок и сложили их поодаль, на устилающую пол необтертую еще медвежьей шкуру. Потом чернявый присел на край постели, положил ладонь на раззявленную пасть сварга, а другой рукой поднес к переносице жреца короткий нож.

Жрец запыхтел, заперхал, дернулся... Продрал глаза – и обомлел. Стальное жало глядело прямо в зеницу.

– Тихо, тихо... – ласково-строго, будто осаживая выигравшего коня, произнес чернявый и немного отвел клинок.

Сварг скосил глаза к переносице, пробежал взглядом вдоль лезвия, остановил его на недобром лице незваного гостя – и непроизвольно дернулся.

Второй тут же поставил на волосатый живот жреца ногу в остроносом сапожке с серебряной вышивкой.

Жрец замер, кося выпуклым, налитым кровью глазом то на страшный кинжал, то на еще более страшного гостя.

– Признал, – удовлетворенно кивнул чернявый. – Признал меня, сучий выкидыш.

– Да, во...

Мозолистая рука вновь закрыла сваргов рот.

– Не говори ничего, – негромко произнес гость. – Глазками мигни, этого довольно.

Жрец покорно мигнул.

– Дурень ты, – сказал чернявый проникновенно. – Ужель решил, что мы брата своего тебе, росомaxe дурной блудливой, отдадим? А может, ты не сам гнушь такую придумал? Может, подсказал кто?

Сварг бешено завращал глазами, замычал...

Чернявый убрал руку, разрешил:

– Говори.

– То не я, – жарко прошептал жрец. – То Сварогова воля. Кто ослушается, тому – кара страшная, неминуемая. И вам...

Мозолистая ладонь опять оборвала и пылкую речь, и смрадный дух, источаемый слюнявой волосатой пастью.

– Пугает, – темноволосый обернулся к блондину. – Нас пугает, пес шелудивый. Кумиром своим пугает. Деревяхой засаленной.

Светловолосый осклабился и предложил:

– Может, язык ему отрезать?

– Шумно будет, – не согласился первый. – Да и кровью может захлебнуться. Но что-то отрезать надо.

– Надо, – согласился светловолосый. – Может, удилеще ему укоротим?

И пихнул сапогом соответствующее место.

Вмиг красно-багровая рожа сварга стала синевато-белой.

Темноволосый убрал руку.

– Не н-н-а-адо... – жалобно проблеял сварг.

– Почему? – Темноволосый приподнял бровь.

– Я-я-а... Я-я-а... – Подбородок жреца трясся, как у припадочного.

– Его из свагов выгонят, – пояснил светловолосый. – У них, ежели увечье, так к служению бесовскому, считай, непригоден. Будет не с девками валяться, а нужники чистить.

– Ну девки ему тогда уж ни к чему будут, – резонно заметил чернявый. – А нужники тоже чистить надо. Они ж тут жрут – мы с тобой в походе вдвоем за день столько не съедим, сколько такой вот опарыш в один присест уминает. Так что нужники здешние очень даже в чистке нуждаются.

– П-п-ощадите... – выдавил наконец сварг.

Черноволосый долго смотрел на него. Жрец под его взглядом то краснел, то бледнел.

Наконец незванный гость произнес:

– Ладно. Прощу тебя, дурака. В первый и последний раз. Но если ты еще раз протянешь свои кровавые лапы куда не следует, я лично тебе калеными клещами не только уд, но и язык вырву. И никто меня не остановит: ни князь, ни твой засаленный идол. Веришь мне? – и глянул так, что переполненный мочевой пузырь сварга все-таки не выдержал.

– Фу-у... – брезгливо процедил светловолосый. – Пошли отсюда, братец. Всё он понял.

– Живи пока, – разрешил чернявый. – И помни: теперь твой бог – не дерево, а железо. Вот это железо!

И быстро провел кончиком кинжала по ребрам. Кожа разошлась, и темная кровь вмиг покрыла сваргов бок.

Жрец даже не пикнул.

Темноволосый выпрямился, взял с лавки рушник, вытер сначала кинжал, потом ладонь, которой зажимал сваргу рот. Швырнул рушник жрецу и стремительно-легким движением покинул ложницу.

Светловолосый – за ним.

Задержался только на миг, сделал жест – будто вырывает что-то, засмеялся беззвучно и пропал, не забыв, впрочем, притворить за собой дверь.

Сварг зашипел злобно, схватил с пола кувшин с рассолом, жадно выдул половину, прижал рушник к поцарапанному боку, открыл было рот, чтобы закричать... Но задумался. Поглядел на сложенных у лавки беспамятных девок, прислушался... И звать никого не стал.

А что кричать? Он признал гостей. Остановить таких в капище некому. Тут и полного десятка княжских гридней маловато будет.

Главный жрец тяжело плюхнулся на ложе, поглядел на бок. Кровь уже почти остановилась. Неглубоко резнул ворог. Так, чтобы память была. Сварг это понимал. И еще он понимал, что сейчас ему следует решить, кого он больше боится: страшного ночного гостя или не менее страшного грозноликого бога. Что так, что эдак, а кого-то придется обидеть. И ни тот ни другой обиды не простят.

В этом главный Сварогов жрец града Киева не усомнился ни на мгновение.

Глава вторая ВЫБОР СВАРОГА

Первыми шли жрецы. Обряженные, как положено по обычаю, с подобающими атрибутами и истовыми лицами ведомых богом. За жрецами, а вернее, вокруг них, то обгоняя, то отставая, торопились служки – ражие молодцы с дубинами. За служками – прочий люд. Кто – тоже с дубьем, кто с косами, а у некоторых даже луки и сулицы припасены.

Толпа двигалась через город неторопливо, но уверенно. Ворча, как огромный многоголовый зверь, и понемногу обрастая сторонниками (коих у «сварожьих детей» в Киеве было немало), обычными зеваками и городским отребьем, уповающим под шумок пограбить богатеев. По чью душу идет гневный люд, никто не сомневался. Все знали о страшном жребии и о том, что воевода Серегей наотрез отказался отдавать сына.

– Мы Сварогу не служим, – заявил боярин-воевода. – Желаете кого – выбирайте из своих. А жребий ваш – лживый. Ежели кто усомнился, на чьей стороне Правда, так можно и рассудить. В любое время на любом перекрестке.

Желающих рассудить не нашлось. В силу Сварога многие веровали, но скрестить клинки хоть с кем из воеводиного семейства рискнули бы немногие. Однако эти немногие были сплошь княжскими людьми и кланялись в большинстве не Сварогу, а своему Перуну.

В Киеве говорили, что принудить воеводу должен сам князь. Как повелось. Забрал жребий – верши.

Но князь помалкивал, а в старшей дружине Владимира хоть и было довольно полян, древлян и прочих, да сила их была – не главная.

А тут еще скандинавы. Этим Сварог и вовсе без надобности. У них свой старший бог – коварный и злопамятный Один, не пожалевший глаза за право ведать прошлое и будущее и глядеть невозбранно во все три мира. Так и викинги. Глядят везде и хапают, где удастся. Этим и повода не надо, чтоб городу разор устроить. Не хочет князь раздора. Ну, коли так, то кликнули сварги киевских да окрестных людинов, старым богам верных, и сами пошли справедливость свершить.

Через городские ворота толпа вошла беспрепятственно, а вот у стены, что вокруг Горы стояла, вышла заминка. Затворили перед ними ворота.

Возможно, пошумела бы толпа и ушла: колями да дубинами стену не разобьешь. Потешились бы внизу, разбили склады купеческие да лавки на рынке – и ушли. Но через малое время ворота открыли.

Оказалось, на страже нынче преданные Сварогу гридни смольнянского воеводы Путяты. А может, жрецы нарочно подгадали именно к этой страже...

Так или иначе, но толпа на Гору взошла. И двинулась меж крепких заборов и каменных стен к давно намеченной цели.

Вел толпу сам главный сварг.

Гора настороженно ждала. Ворота во дворы плотно затворялись и укреплялись железными засовами. Сверху, со стен, на сбившуюся толпу сурово глядели вооруженные луками люди. Сварожьи дети поглядывали на них с опаской, но уповали на силу Сварога, а более всего – на свою многочисленность.

В хвосте толпы, поигрывая топорами, вышагивали нурманы ярла Торкеля. Чувствительные носы викингов безошибочно угадывали возможность поживиться.

Главный сварг уверенно привел толпу к тяжелым дубовым воротам, увенчанным литым византийским крестом.

Увидев крест, толпа обрадованно взревела. Дубье тут же загрохотало в створки. Над воротами поднялся плечистый воин в круглом шлеме.

– А ну прочь, псы! – взревел он, перекрывая шум. – Прочь – или буду бить!

Ответом ему был град камней, некоторые из которых достигли цели и с лязгом ударили в боевое железо. Воин слетел с ворот и тут же со двора, навесом, взмыли стрелы. В толпе раздались вопли: у сварожьих детей не было ни щитов, ни шлемов, и защититься от смертоносного града было нечем.

Но кровь не остановила, а только разъярила толпу. Даже те, кто шел лишь добиться справедливости, теперь готовы были убивать.

Град охотничьих стрел и камней полетел с улицы на подворье. Этот град был намного гуще, и стрелять со двора перестали.

Четверо меньших жрецов, дюжих бородачей, с тяжелыми, на длинных рукоятях, топорами лесорубов подступили к воротам.

Топоры дружно ударили в столбы, вырубая железные петли. Вскоре дерево начало поддаваться, толпа радостно заревела, навалилась – и ворота упали внутрь.

Сварожьи дети ворвались на подворье и растеклись по нему, круша и ломая все, что подвертывалось под руку. Мимоходом забили нескольких холопов и двух сторожевых псов, сунулись к дому и отхлынули, оставив на земле трех зарубленных.

В сенях, плечом к плечу, перегораживая вход, стояли варяги. Огромные, страшные, все в железе, с мечами в руках.

Толпа подалась назад. Сварожьи дети, даже в хмельном угаре божьего гнева, не рвались на верную смерть.

Но тут вперед вышел главный сварг.

– Отдай нам сына своего, варяг! – громко, так чтобы слышали все, закричал он. – Отдай своего сына богу – и мы более никого не тронем!

– Деревяшка твой бог и ничего более! – прогудел воин. – Един Бог над нами, и имя ему Иисус Христос!

– Ну и где твой бог? – насмешливо заорал сварг. – Что-то я его не вижу! Что ж он не придет и не покажет себя?

Толпа одобрительно зарычала и прихлынула поближе, но сварг тут же раскинул руки, останавливая ретивых. Ему вовсе не хотелось, чтобы его вытолкнули под мечи варягов.

– А где твой бог? – заорал в ответ воин. – Он хочет моего сына, так пусть придет и возьмет! А вы что тут делаете?

– Они так до вечера проболтают, – проворчал викинг по прозвищу Рваная Щека. – Пойдем-ка пособим! – И стал проталкиваться вперед, грубо расталкивая толпу. Остальные нурманы последовали за ним.

Клин викингов легко пробил себе дорогу. Передние даже сами потеснились, пропуская нурманов. Уж эти варягов не испугаются. Сами такие.

Но викинги драться не стали. Рваная Щека только глянул на мужей в сенях и понял, что позиция у них – выигрышная. И в сам дом тоже не войти – окна высоко и узкие. Опять-таки опыт подсказывал, что в окнах этих не девки сладкие поджидают, а варяжские трэли с луками. Дом можно было поджечь, но как тогда грабить?

Рваная Щека еще раз оценил положение, и опыт тут же подсказал ему, что следует делать. Пара слов, брошенных другим хирдманам: викинги разошлись в стороны, подступили к сеням сбоку и разом обрушили топоры на резные столбы, на которых покоилась крыша. Действовали северяне быстро, умело и дружно, так что сени рухнули в считанные мгновения, погребя под собой храбрых защитников.

Тут уж и толпа ринулась вперед. Сбитых с ног придавленных варягов долго били и топтали...

...А нурманы тем временем уже проникли внутрь, разбились на пары, разбежались по дому и начали убивать. Но убивали – расчетливо. Только тех, кто вставал на дороге. Тех, кто не сопротивлялся или прятался, – не трогали. Понимали – времени в обрез.

Вон, сверху, из Детинца, слышен стон тревожного била.

Снаружи еще дотапывали варягов, а Рваная Щека уже держал за горло хозяйскую дочь, а ее мать поспешно складывала ценности в бугристые от мозолей лапы нурманов...

Закончили быстро. Брали только золото, серебро и самоцветы, на мелочь не разменивались. Может, и осталось что-то в схоронках, да времени (нурманы это нюхом чуяли) осталось – чуть.

Рваная Щека отшвырнул полузадушенную девку, мамаше дали кулаком по затылку, чтоб не вопила, и ушли. Дом покинули через крышу, потому что окна были слишком узки, а в сенях толпа всё еще терзала уже мертвых варягов.

С крыши дома нурманы махнули на сеновал над конюшней (под открытый навес), соскочили на землю и, расталкивая теснящийся на подворье люд, спокойно двинулись к выходу. Им не препятствовали. Чернь вокруг занималась тем же, чем только что – сами нурманы. Грабила подворье. Только тащили смерды, с точки зрения нурманов, всякую дрянь: упряжь, медную посуду, хозяйственную утварь... Каждый старался урвать, что мог. Могли смерды немного. В овине завопила девка: кто-то пристроился попользовать. Нурманов это не касалось. Они знали, что будет дальше. И убрались очень вовремя. Причем двинулись не вниз, а вверх – к князьему терему. Не успели и на сто шагов отойти, как пришлось спешно прижаться к забору: мимо, нахлестывая коней, тесным строем промчались княжьи гридни. Нурманов не тронули. Решили: те ни при чем.

Несколько мгновений – и снизу раздались вопли стаптываемых смердов. У ворот разгромленного подворья образовалась давка. Часть погромщиков кинулась вниз, остальные – обратно на двор. Кто-то пытался спрятаться в доме, кто-то бестолково носился по подворью, самые ловкие полезли через забор на соседние дворы. Вот это они – зря. Соседи, не смеявшиеся высунуться, когда толпа громила варягов, с появлением княжьей гриди враз осмелели и встретили беглецов жестоко: били, чем попало, скручивали, вязали... Всякий, забравшийся на чужой двор без спросу, считался татем, и хозяин был в полном праве даже его убить. Но какой прок убивать, если можно сделать холопом? А если пойманный – уже чей-то раб, то и денег за него требовать. Зачем же тогда лишать жизни? Дворы на Горе богатые, хозяева – крепкие. Рабочие руки лишними никогда не будут.

Часть гриди помчалась вниз, следом за беглецами, но тем сварожьим детям, которые пустились наутек, повезло больше прочих, потому что навстречу всадникам вышли другие вои. Тоже – княжьи. Кмети княжьего воеводы Путятя.

Чудом обошлось без крови. Спас сам Путятя, который встал на пути гридней с поднятыми пустыми руками.

Остановил. Наверх поднялись уже вместе, причем воев с Путятёй было раз в пять больше, чем варягов. Эти могли бы защитить своих единоверцев, но немного запоздали: варяжская гридь подворье уже очистила. Часть черни побили, часть – затолкали в овечий загон.

Опознанных как сваргов спешившиеся варяги вязали и складывали у конюшни. Главного жреца уже подтянули за руки к вратной перекладине.

– Отвязать! – скомандовал своим Путятя.

– Не трогать! – рявкнул командир варягов, Пежич, тоже воевода не из последних.

– Прочь руки от божьего человека! – бешено процедил Путятя.

– Кому – божий человек, а кому тать подлый! – прорычал Пежич, спрыгивая с коня и вытягивая меч.

Варяги мгновенно перестроились, конные взяли за луки. Численное преимущество воев Путятя варягов не смутило.

На их стороне – Правда. Кто на свободного человека посягнет, на жизнь его, здоровье его, имущество или жену, тот вор и тать. Его бить хоть до смерти, а если жив останется, так в яму бросить и держать там, пока не выкупится. Или в холопы продать. А кто смуту учинил, с того еще строже спросить. Такому – только смерть.

Такова Правда, таков Закон и Обычай.

Однако ж есть кое-кто и над Законом. Светлые боги выше. Против богов пойти – большую беду на все людство навлечь. Жрецы – они богам служат и волю их передают. Но жрецы все же не боги. Могут и ошибиться. Воротами, например. А уж попутать собственные чаяния с волей бога... Могут. И тогда бог их покарает. А поскольку молний на каждого сквернавца не напасешься, то кара может и от рук человеческих изойти.

Путята покосился на жреца. Путята неплохо знал этого сварга. Был с ним не то чтобы в дружбе, но – в содружестве. Сварга надо выручать. Убьют его – самому Сварогу поношение. Сейчас сварг пускай и сильно побитый, но – живой. И висит как раз между кметями-полянами и варягами. Будет сеча – его первого и убьют. Да и драться с варягами не хотелось. Путята в Киеве – чужой. Его опора здесь – князь да воевода Добрыня. А понравится ли Владимиру, если его гридь между собой сцепится? Ох, вряд ли!

– Берегись, смольнянин! – Пежич в отличие от Путяты не колебался. – Кто братьев моих убивает, тому – смерть лютая! Кто защищает их – пес поганый, и мясо его подлое – стервятникам на поживу!

– Это кто ж тебе брат, воевода? – мрачно спросил Путята. – Служка ромейского бога – твой брат?

«Не хочет драться», – понял Пежич.

Жаль. Ярость Пежича не улеглась. И давать слабинку он не собирался. Но и первым нападать не следует.

– По мне, – сказал он, – что ромейский бог, что полянский, что хузарский – разницы нет. Есть наша варяжская Правда, и по ней за смерть варягов платить надо.

– Я заплачу! – быстро сказал Путята. – Скольких убили? Двоих? Плачу как за княжьих гридней – по сорок гривен. С лихвой. Значит – сто. Примешь?

– Щедро. – Пежич расправил усы. – Любишь ты, видать, этого пса. Может, он – папаша твой?

Путята побагровел. Едва удержался...

– Все мы – сварожьи дети, – выдавил он, стараясь не смотреть на Пежича.

– Вы, – уточнил Пежич, ухмыляясь. – Мой бог бараньей крови не пьет. Ему другая любя. А я так думаю: ежели ты – бараний бог, так на волков рот не разевай!

Варяги захохотали.

Путята заскрипел зубами, но сдержался.

– Хватит тебе виры в сто гривен? – процедил он. – Или мало?

– Сто гривен – это не вира, – спокойно произнес Пежич. – Это головное князю нашему. За убийство. А виру тебе вдова сама назначит. За мужа и сына. За дворню побитую, за дом порушенный, за всё разворованное. Кто ответ держит? Он? – Варяжский меч – граница меж жизнью и смертью – указал на сварга.

– Я! – быстро сказал Путята. – Я принимаю долг. Можно мне снять сварга?

– Снимай, – разрешил Пежич.

Вот теперь всё по Правде.

Воевода-варяг не стал напоминать Путяте о том, что выплата виры и головного не означает, что о мести забыто. Деньги – деньгами, а кровь – кровью.

Но это уже дело не его, Пежича, а родовичей убитого. Так что одна надежда у сварга – на божье заступничество. Хотя лично он, Пежич, очень сомневается, что Сварог окажется сильнее Перуна. Было бы так – сидел бы в киевском Детинце не варяжский князь, а полянский.

Глава третья

УДАЧНЫЙ ДЕНЬ БОЯРИНА БЛУДА, ИЛИ О ТОМ, КАК ПРОДАВАЛИ НУРМАНОВ

О прискорбном деле, свершенном на Горе, Владимир узнал лишь на следующий день, потому что во время самих событий князя в Киеве не было – ходил с малой дружиной, дядькой своим Добрыней (мастером договариваться) и хускарлами Сигурда (чтоб договариваться было попроще) в древлянские земли: поставить свою власть на бывшей вотчине младшего брата Олега.

С ним же был и воевода Артём, недавно сыгравший свадьбу с внучкой Свенельда Доброславой и получивший в приданое спорные уличские земли. Земли, примученные когда-то, вернее, отбитые Свенельдом у угров. Древляне же воспользовались усобицей и попросились под руку Владимира.

Владимир, который еще с новгородского своего княжения лелеял обиду на отцовского воеводу Свенельда, взял древлян охотно. Он бы и прочие земли Свенельдовы взял – сила была. Выручил Артём. У собственного воеводы приданое отнимать – нехорошо. Но Свенельда Владимир и тут ущемил: назвал Артёма уличским князем и обязал Киеву малой данью. Себе, не Свенельду. Часть древлянских земель, тех, что раньше принадлежали брату Олегу, Владимир отдал на прокорм Сигурду. Нурманский воевода был ему нужен. Не хотелось великому князю, чтобы тот отбыл домой вместе с Олавом, когда придет тому время отбивать отцовский стол.

Словом, отъехал князь с тремя воеводами, а вернулся только с одним – дядькой Добрыней. Артём и Сигурд остались при своих новых землях.

Тут-то и сообщили великому князю злые новости. И еще сообщили, что на ромейском подворье многие, напуганные языческими погромами, готовятся уходить домой.

Ссориться с ромеями князю было не с руки. Он знал, на что способно ромейское золото.

А тут еще викинги заволновались, почуяв слабинку. Некстати оказалось отсутствие Сигурда. Ярл умел обуздывать викингов. Бескровно.

Слухачи Добрыни при нурманах сообщили: кое-кто из скандинавов неплохо пограбил на разгромленном подворье. Их видели в первых рядах сварожьих детей, да и вдова убитого варяга сказала, что все богатства их отняли именно нурманы. Даже неплохо описала одного – с грубым звездчатым шрамом на правой щеке. Шрамов на нурманских мордах было множество, но разбойника признали: хирдманн ярла Торкеля Бьерн Рваная Щека. Тут бы злодея и наказать, но Добрыня отговорил. Вольных нурманов в Киеве и окрестностях – тысячи. И сила у них изрядная. А обещанные деньги им так и не заплатили.

С ромеями пришлось договариваться отдельно. В этом Владимиру изрядно помогли вуй Добрыня и, особенно, верный боярин Блуд, который дал великому князю замечательный совет, разом убивший двух жирных зайцев.

* * *

На сей раз встреча боярина Блуда и тайного посланца византийского императора произошла прямо в доме боярина. Вернее, в его тереме, укрытом за стенами небольшой крепостицы Загорское, подаренной Блуду Владимиром. Вместе с окрестными землями, естественно. Крепостица стояла в пятидесяти верстах от Киева, и моравский боярин предпочитал жить именно там, а на Горе появлялся исключительно редко и только по зову князя Владимира.

Боялся Блуд. И справедливо боялся. Многие в Киеве охотно увидели бы голову Блуда отдельно от туловища. Рука князя надежно ограждала Блуда от явных ударов, но от тай-

ного могла защитить только крепкая стража. В маленьком Загорском, где всё принадлежало боярину, это было сделать куда легче, чем в большом Киеве.

Вот почему с посланцем паракимомена Василия² Блуд встречался не в своем доме на Горе, а здесь, в Загорской.

В терем ромея пропустили, но в одиночестве, оставив сопровождающих во дворе. Впрочем, Блуд принял посланца весьма радушно: угостил обедом и всячески выказывал свое расположение. Очень любил боярин ромейское золото. И очень рассчитывал на щедрость посланника.

Посланник же сначала держался строго. Даже укорил Блуда за языческие настроения нового великого князя и убийства «братьев»-христиан. Дескать, во времена Ярополка ничего подобного и быть не могло.

Блуд ничуть не смутился. И в свою очередь напомнил посланнику о том, что Византии более не следует опасаться доблестных полководцев Святослава. А уж продолжение переговоров с германским императором Оттоном или даже с самим Папой Римским теперь и вовсе невозможно.

Что же до язычества, то это лишь вопрос времени. Наступит час – и истинная вера вернется на эту землю. И придет она не из Болгарского царства или, хуже того, – с Запада, а исключительно из самой Византии. Разве не об этом следует заботиться тем, кто блюдет интересы Константинополя?

Посланник взглянул на факты под предложенным углом и решил, что Блуд истолковал их очень верно. И если именно так преподнести их Василию, то блюдо окажется вовсе не горьким, а напротив – отменного вкуса.

Настроение ромея заметно изменилось к лучшему, и тут Блуд преподнес посланнику еще один «подарок». Замечательное предложение о том, как можно значительно ослабить киевского князя, а империю, напротив, существенно укрепить.

Известно ли посланнику, что в настоящее время на киевской земле находится несколько тысяч страшных скандинавских воинов?

Посланнику об этом было известно.

А известно ли посланнику, что подобное войско не может находиться в бездействии?

Посланник и с этим согласился.

А куда, по мнению посланника, может повести данное войско воинственный сын Святослава?

Посланник вновь помрачнел. Ближайшим местом, по-настоящему привлекательным для алчных северян, несомненно была империя.

Что делать?

Посланник задумался, но ненадолго. Политика Византии в подобных ситуациях была одинаковой вот уже много веков. Можно сказать: традиционной. И формулировалась просто: сколько?

– Сколько хочет Владимир? – в лоб, не по-византийски прямо, спросил посланник.

– Владимир обещал викингам по две гривны с каждого киевского жителя, – сказал Блуд. – Однако денег у него нет. А коли так, то придется ему это серебро добыть. Так или иначе... – Блуд испытующе поглядел на посланника.

Ромей прикинул, сколько свободных живет в Киеве (холопы, женщины и дети, разумеется, – не в счет)... Сумма получилась не просто изрядная – фантастическая. Купить покой-

² *Паракимомен Василий* – незаконный сын Романа I Лакапина, евнух и неизменный «премьер-министр» при дворах Никифора II Фоки (963–969) и Иоанна I Цимисхия (969–976). По некоторым данным, он активно способствовал смерти императора Никифора от рук Иоанна Цимисхия (о чем можно прочесть в моей книге «Герой» и в исторических источниках, разумеется), а затем отравил и самого Цимисхия. В описываемое время Василий продолжал фактически руководить Византийской империей, но уже при собственных внучатых племянниках – Василии и Константине.

ного Ярополка было бы намного дешевле. Тем более где гарантии, что, получив деньги, чуждый христианскому миру Владимир станет безопасен для империи? Скорее, он, подобно своему отцу, жадно проглотит подачку и потребует новую.

Блуд наблюдал за ромеем с большим интересом. Он отлично знал, чего хочет собеседник. Он хочет стать патрикием империи. Воплощение же этой мечты напрямую зависит от результатов его миссии здесь, в Киеве. И вот сейчас мечта эта уходит от посланника в поистине несбыточные дали.

– Есть и другой выход, – произнес Блуд, когда решил, что пиво созрело. – Заплатить деньги мне.

Посланник ответил не сразу. Он был опытным игроком и понимал, что противостоит ему не менее искушенный соперник. Ромей тоже не первый год знал Блуда. Он сам немало поучаствовал в том, чтобы поднять моравского изгоя до нынешних высот. Но тот оказался настолько хитер, что вместо ожидаемой зависимости от имперской помощи ухитрился сделать так, что вскормившие его ромей сами оказались в зависимости от этого жадного, подлого и очень-очень хитрого человека.

«Надо от него избавиться», – мелькнула мрачная мысль. Надо. Но не сейчас. Сейчас киевский боярин все еще нужен.

– Что получит Константинополь, если заплатит тебе, а не князю? – наконец выдал ромей.

– Во-первых, это будет стоить дешевле, – хитренько улыбнулся Блуд. – Те же две гривны – с носа... – Боярин сделал паузу, с удовольствием наблюдая, как ромей изо всех сил пытается казаться невозмутимым. Это было так приятно – перехитрить хитреца. – ...По две гривны, но... за каждого северянина, готового наняться на службу к императору.

Ромей почесал щетину на подбородке. Предложение было интересным. Заполучить отменных вояк по паре серебряных гривен за штуку! Палатию это понравится.

Однако Блуд тут же подпортил радость посланника.

– Эти деньги – мне, – уточнил он. – Наемникам император должен заплатить отдельно. Столько, сколько положено.

На этот раз посланник сообразил быстро. Предложение боярина по-прежнему было выгодным. А хорошие чужеземные воины нужны императору. Кроме того северяне, поступившие на службу Палатию, перестанут быть угрозой империи. И это – гарантия лояльности князя Владимира, казна которого по-прежнему останется пустой.

– Договорились, – кивнул ромей. – Как только северяне прибудут в Константинополь...

– ...Я получу оставшуюся сумму! – перебил Блуд. – Но четыре тысячи гривен я получу сейчас!

– Но это же огромные деньги! – воскликнул посланник.

– Всего-то пятьдесят пудов серебра, – усмехнулся Блуд. – Тебе повезло: со времен Святослава киевская гривна полегчала.

– Но где я возьму столько серебра? – воскликнул посланник.

– Меня вполне устроит и золото, – добродушно произнес Блуд. – Но не по здешнему, а по константинопольскому пересчету...

Боярин с посланником торговались до самого вечера. Сошлись на том, что тысячу гривен Блуд получит сразу. Еще три – когда корабли викингов достигнут Понта, а остальное – когда придет весть о том, что наемников приняли в Константинополе. И последняя часть будет заплачена не деньгами, а паволоками по справедливым ценам сверх тех квот, которые существовали для чужеземных купцов. Причем десятая доля выручки от продажи бесценного шелка здесь, в Киеве, отходила лично посланнику.

Расстались давние знакомые вполне удовлетворенными исходом торгов. Посланник немедленно отправился в Киев. Блуд торопиться не стал: сначала покушал, а уж потом поехал порадовать князя блестящим решением задачи по выдворению из Киева нурманов.

А попутно закончить еще одно дело. Остался кое за кем маленький должок. Маленький, но очень, очень приятный. Пришло время кое-кому заплатить за былое презрение к боярину Блуду.

Да, хороший день вчера выдался у Блуда. Предложение его князь принял с радостью. Избавиться от «диких» нурманов он давно мечтал. Велел кликнуть писца-толмача и даже письмецо наговорил своему «брату» кесарю византийскому. Мол, зная о том, что тебе, кесарь, всегда требуются хорошие воины, посылаю тебе в знак дружбы самых лучших. Но хочу предупредить, что воины эти дики и необузданны, посему лучше не держать их в твоей столице, а сразу послать туда, где надобны их воинские достоинства. Назад же, ко мне, их отправлять тоже не надо, поскольку славных воинов в государстве моем и так довольно.

Написал, отправил, еще раз похвалил Блуда, пообещал вознаградить – и отправил восвояси.

Теперь Блуд имел полное право заняться личным. Владимир прав: боярин заслужил награду. Только на такую награду, которую желал получить Блуд, великий князь никогда не расщедрится. До этого товара Владимир сам охоч и делиться ни за что не станет. Только Блуд не спросит. Сам возьмет. Есть у него и замысел добрый, и люди подходящие на примете. Всё получит Блуд. Всё, что желает. Всё, о чем мечтает уже не первый год. Многие думают: жаден боярин Блуд. Одно лишь серебро-злато у него на уме. А вот и неправда. Деньги для Блуда – как дружина для князя. Что князю гридь добудет, то Блуду – его денежки. Но, в отличие от гридней, гривны, марки и номисмы есть-пить не просят и от хозяина своего ничего не требуют. Для замыслов Блуда деньги – как деготь для тележного колеса. Смажет Блуд замыслы свои звонкими монетами – и закрутится мир вокруг боярина. И принесет ему на блюдечке всё, что тот пожелает. Вот она – истинная власть. Повыше власти княжьей, ибо, как пожелает Блуд, так и сделают славные князьи вои.

Но князю о том знать не надобно. Обидится.

Глава четвертая

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ. НО – НЕНАДОЛГО

Друзей звали Третей и Неулад. Оба были смоленскими полянами из первой сотни воеводы Путятя. Оба недавно стали опоясанными гриднями. Путятя их и опоясал, потому что знал обоих еще детскими³ и в преданности не сомневался. Опоясанный гридень – это великое достоинство. И немалая слава. Вот только ничего истинно достойного Третей с Неуладом свершить еще не успели. И деяний славных за ними пока не числилось. Ни побед, ни богатой добычи. А потому бедны были Третей с Неуладом, как какие-нибудь ничтожные полянские смерды. Оно, конечно, смерды не кормились с княжьего стола и не ездили на конях из княжьей конюшни, но в гаманцах⁴ у гридней было пусто, как в селище после степного набега. А денег – хотелось. Потому как, что за радость в золотом поясе гридня, если не на что в корчме пива купить или девку добрую одарить цветным платочком. Девки – они к гридням добрые. Да только думают, что раз пояс золотой, то и в поясе золото звякает. А не одаришь, подумает – жадина. Такое услышать стыдно до слез. А уж подружка обиженная вмиг всему миру о твоей скупости раззвонит, и тогда даже простые девки теремные станут от тебя шарахаться. Словом, беда. Вот почему так охотно откликнулись Третей и Неулад, когда подступился к ним доверенный холоп знатного боярина Блуда и предложил заслужить хорошую денежку. Не какую-нибудь стопку потертых кожаных кун с черной княжьей печатью, что вошли в обиход при нынешнем князе из-за оскудения казны, а по полновесной серебряной гривне на брата.

Хотя и дело непростое. Надобно было умыкнуть из княжьего терема жёнку с дитём. Да не простую жёнку, а саму Наталию, бывшую княгиню, вдову убитого Ярополка.

Ныне, конечно, княгиня с дитём – никто. Родичей у вдовы в Киеве нет. Новый князь племянника и жену брата в род свой не принял. Живут хоть и в тереме князем, но в нищете и немилости. Одно слово – изгой. Хуже, чем челядь. У всякого челядина хозяин есть. Заступник. А тут – никого. И все же Наталия с младенцем – люди. Вольные. Кто над вольным надругается: умыкнет, жизни лишит или еще как-нибудь, – немалую виру заплатит. Не роду, так князю. Если о том узнают. Да узнают ли? Кому нужны вдова с младенцем, если та, хоть и бывшая княгиня, сама себе в клеть воду носит?

³ Напомню читателю «иерархию» княжьей дружины: наверху – князь, под ним – воеводы. Эти могут действовать автономно, водить войска, занимать должности «княжьего» уровня и боярские, словом – генералы при главнокомандующем. Следующий уровень – старшая гридь, особо заслуженные дружинники, так сказать – старшие офицеры. Из их состава набираются тысяцкие. Они не обязательно командуют тысячей дружинников. Эта должность скорее относится к командующим ополчением (тысячей). Тысяцкие могут занимать «гражданские» должности. Классический пример – новгородский тысяцкий. Его «ставило» вече (то есть – «концевые» лидеры), и он был практически независим и от князя, и от княжьего наместника. К старшей гриди автоматически относились все сотни и часть десятников. Далее – «простые» опоясанные гридни. Полностью обученные воины, способные к автономной деятельности, к командованию небольшими подразделениями. Могло звучать, как «гридин». Происхождение скорее всего скандинавское. Славянский вариант кмет или кметь. Хотя многие и здесь усматривают сходство с римским комитом. Но это не более чем гипотеза. Ниже гридней-кметов – отроки. Это не возрастная категория, хотя отроки в дружине обычно – молодежь. Это – полноценные, побывавшие в переделках войны, прошедшие курс обучения, но еще не удостоившиеся звания гридня. Так сказать, «рядовые обученные». И наконец «детские». Это, как правило, мальчики от 5 до 12 лет, живущие при дружине и проходящие воинское обучение. В «детские» попадают дети (законные и незаконные) самих дружинников (в том числе – погибших), дети бояр и прочей аристократии, разумеется, княжичи всех уровней и просто пацаны, чем-то приглянувшиеся кому-то из гриди. То есть, если мальчик попадал в «детские», его ждала военная карьера и очень неплохая по тем временам жизненная перспектива. Фактически княжьи дружинники были одними из немногих по-настоящему свободных людей той эпохи. Князь обеспечивал их всем необходимым и отдавал часть воиской добычи. Если дружинник был князем недоволен (причины этого недовольства были, как правило, финансовые), то князя можно было поменять. Хорошо обученный воин всегда находил себе работу по специальности. Хотя подобные переходы не поощрялись. Княжья дружина по сути была тем же родом, во главе которого стоял сам князь (батька), дружинники были его «сыновьями». Вот такая иерархия. Само собой, у князей помельче и дружины помельче. Хотя даже десяток дружинников был серьезным воинским подразделением, стоившим сотни ополченцев.

⁴ Гаманец – мешочек для денег, типа кошелька.

– Виру, если что, боярин за вас заплатит, – пообещал боярский холоп.

Но Третьей с Неуладом тоже не лыком шиты и не в лапти обуты. Их вокруг пальца не обведешь. Потребовали бересту, где было бы правильными резами начертано: за всё боярин сам головой отвечает, а друзья-гридни – только десница и шуйца его. Что велел – то и сделали.

Сладилось. Получили бересту. Читать они, правда, не умели. Однако были уверены, что их, кметей княжых, обмануть не посмеют.

А через день, когда был черед друзей терем караулить, вошли Третьей с Неуладом тихонько в клетушку к изгойке, связали, сунули в мешок, пригрозив, если заорет, с дитём худое сделать, дитё тоже прихватили, вынесли обоих за ворота и сдали с рук на руки боярскому холопу. Тот полонянку с младенцем как есть, в мешке, кинул в крытый возок с сеном и увез. А Третьей с Неуладом, враз разбогатевшие, вернулись обратно в караул и до самого утра честно оберегали княжий покой от врагов и злоумышленников.

А утром, веселые, побежали в корчму. Праздновать. Не ведая о том, какую беду навлекли на вдову Ярополка (что их, впрочем, мало беспокоило) и на самих себя, родимых (а это – совсем другое дело!), поскольку Киев хоть и великий град, но – тесен, и тайное в нем часто становится явным.

Именитый боярин Блуд о последнем ведал очень хорошо, потому держать свой знатный полон в Киеве не собирался. И тем же утром, под добрым конвоем, перевез вдову с младенцем к себе в Загорское.

* * *

– Ты, монашка, теперь никто, и звать тебя никак. – Блуд с похотливой улыбочкой глядел на забившуюся в угол женщину.

Эх, хороша! По Блудову приказу с нее содрали все, кроме нательной рубахи. Могли бы и рубаху содрать, но так – слаще. Лакомый, лакомый кусочек! Не зря князь-покойничек из спальни не вылезал. А теперь красавица-ромейка еще более похорошела. Личико разругалось, груди молоком налились, глазищи огромные, влажные – так и сияют. Блуд слотнул слюну и подавил желание кликнуть холопов, разложить ромейку, как взятую в бою полонянку, и попользовать без долгих уговоров. Но Блуд – не степняк какой-нибудь, чтоб отменное дорогое вино залпом в глотку вливать. Такое вино смаковать надобно, малыми глоточками... Не тело это сладкое ломать-терзать, а самую душу. Подчинить себе бабу своевольную, взнудать, как норовистую кобылу... Чтобы послушна была и ласкова. Чтоб только о том и думала, как хозяина усладить-порадовать. Чтоб страх и покорность в глазах, а ручки нежные не в кулачки сжаты были, а ласкали-лелеяли. А чтоб сбылась мечта, есть у Блуда верное средство.

– О себе думаешь, – вкрадчиво произнес Блуд, нависая над женщиной, вжавшейся в угол. – А ты вот о нем думай. – Боярин кивнул на люльку, где под маленькой иконой Богоматери спал младенец.

Наталия вскинулась вмиг, забыв о прежнем страхе:

– Ты не посмеешь! Он – княжич!

– По вашим, по ромейским законам – может, и так, – промурлыкал Блуд. – А вот по нашим он – так же, как и ты. Никто. Вот кабы принял его Владимир в род – другое дело. Но ведь не принял. Так что не княжич твой сын, а изгой безродный. Радуйся, что живой. Я бы на месте Владимира его придушить велел. Зачем ему сын старшего брата? Вот в степи нынче Варяжко печенегов против Киева мутит. Хочет Владимиру за убийство Ярополка отомстить. То-то ему бы сынок твой пригодился...

– Матерь Божия Пресвятая! – взмолилась Наталия по-ромейски. – Спаси нас, грешных!

– Может, и спасет, – посулил Блуд. – Если я захочу.

И тут, вовсе уж некстати, позвал из-за дверей голос доверенного холопа:

– Господин!

– Прочь пошел! – рявкнул Блуд. – Сказано: не тревожить! Запорю!

– Не сердчай, господин! – испуганно пискнул холоп. – Великий князь в Загорском! К тебе едет, господин!

Блуд выругался. Вот черти принесли...

– Помолись, – бросил Блуд пленнице. – Но помни: я теперь твой бог и твой кесарь. Вот гляди сюда, – Блуд показал на горящую под иконой свечу. – Когда догорит эта свечка, ты станешь моей рабой, покорной и ласковой. Но берегись, если я останусь тобой недоволен. – Блуд несильно ударил княгиню по щеке. – Тогда попрощайся со своим детёнышем!

Блуд круто развернулся на каблуках и вышел, притворив за собой дверь.

Наталия услышала, как лязгнул снаружи засов. Слезы сами заструились из глаз...

Она понимала, что бороться не сможет. Только на Божью помощь уповать и осталось. Но услышит ли Бог ту, что когда-то была его невестой? Пусть и не по своей воле ушла Наталия из монастыря, но там, на Небесах, простили ли Наталии ее короткое женское счастье?

На Блудовом подворье уже было тесно. Владимир приехал не один, а с ближней гридью: варягами Пежича и нурманами Сигурда. Может, был их черед сопровождать князя, а может, Владимир сознательно взял с собой и тех и других, потому что нурманы и варяги весьма друг друга недолюбливали и оттого оберегали Владимира с отменной бдительностью.

Блуд терялся в догадках. С чего бы это великий князь приехал сам? Да еще целое войско с собой привел? И сам – в панцире золоченом да в шлеме боевом...

Не к добру это...

Обеспокоенный боярин сбежал с крыльца и поклонился князю ниже обычного – земным поклоном.

Когда распрямился, князь уже передал высокий шлем, обернутый от солнца в рысий мех, ближнему гридню и глядел на боярина сверху, насупив светлые, отчетливо выделявшиеся на загорелом лице брови.

Гневался великий князь.

Блуд кинулся вперед, собрал руки ступенькой – помочь князю сойти с коня...

Владимир помощью пренебрег. Спешился сам – соскочил ловко, по-степнячьи. Смирив злым взглядом согнувшегося Блуда, отодвинул плечом и пошел в боярский терем – будто в собственный. У Блуда сердце упало. Никого из своих рядом. Оттерли всех. Одни люди княжи вокруг. Что им Владимир велел – неведомо. Кончат боярина прямо тут – и не поможет никто.

Однако не тронули. И когда перепуганный боярин бросился вслед за Владимиром, мешать не стали. Правда, кто-то за спиной засмеялся обидно. Волки они все, что нурманы, что варяги. Страх нюхом чувствуют...

Блуд догнал Владимира только в думной палате, обставленной боярином с особой любовью и роскошью. Здесь, посидев в высоком резном кресле из черного дерева, привезенном из самого Константинополя, развалившись на удобных подушках, потягивая бесценное заморское вино с медом и пряностями, придумывал боярин самые свои замысловатые хитрости.

Теперь в роскошном кресле сидел великий князь. Шелковые подушки с дорогой шемаханской вышивкой Владимир небрежно смахнул на пол. Ему и на голом дереве удобно.

– Сядь! – сурово бросил князь. – Сядь и рассказывай!

– Что, мой государь? – Блуд осторожно опустился на лавку у стены.

Что разрешил сесть – это хорошо. А все остальное – плохо. Что же он такое успел пронюхать? Неужели кто-то из дурней-смольнян проболтался о похищении вдовой княгини? Не дай Бог...

Увы! Все оказалось намного хуже.

– О чем? – Владимир сузил глаза, оскалил ровные зубы и стал очень похож на своего отца Святослава. Тот в гневе тоже скалился... Страшен в гневе был покоритель Булгарии и Хузарии. Мог собственноручно в Ирий отправить...

– О чем? Да о том, как князя своего ограбить вздумал! Говори, боярин! И не вздумай лгать – язык вырву!

– Я... Мне... Княже! Да я только о твоём благе и пекусь! – воскликнул боярин, лихорадочно пытаюсь сообразить, что же такое стало известно князю. – Денно и ночью!

– Ах денно и ночью? – страшным голосом рявкнул князь. – А вот это – что? – Владимир швырнул под ноги Блуду пергаментный свиток. – Благодарю своего ромейского бога, что я прежнее добро помню! Не то висеть бы тебе в пытошной!

Блуд осторожно, будто ядовитую змею, подобрал свиток, развернул...

– Читай, читай, – прорычал Владимир. – И ищи, чем оправдаться, потому что железо для твоей кожи уже калят... Уж мои-то нурманы сумеют тебя разговорить!

Блуд дрожащими руками развернул свиток. Знакомые ромейские буквы прыгали перед глазами, не складываясь в слова... Но подпись и печать Блуд признал сразу. И ему сразу стало не до красивой вдовицы...

* * *

Боярин Сергей пришел к великому князю сегодня утром. Пропустили его немедленно, но Владимир встретил его не слишком дружелюбно:

– С чем пришел ко мне, воевода... моего отца?

Сергей укол княжий проигнорировал.

– Я слышал, тебе деньги нужны? – напрямик спросил Сергей.

– Нужны, – согласился Владимир, пристально разглядывая загорелое, испещренное светлыми шрамами лицо славного воеводы. – Хочешь поделиться?

О несметных богатствах боярина в Киеве ходили легенды.

– Хочу помочь, – длинные варяжские усы качнулись, когда воевода усмехнулся. – Рассказать кое-что о *твоих собственных* (с нажимом) деньгах, княже, о которых ты и не ведаешь.

– Говори, – разрешил Владимир.

– Ты лучше сам прочитай, – предложил Сергей, кладя на стол два пергаментных свитка. – Ты ведь разумеешь по-ромейски. – Если нет, то я помогу.

– Обойдусь, – буркнул князь, разворачивая первый свиток. – Разберусь как-нибудь.

Вообще-то, Владимир читал по-ромейски не очень хорошо, но не хотел выказывать даже малой слабости перед этим огромным варягом. Смущал его боярин Сергей.

С первым свитком все оказалось просто: это было собственное письмо князя ромейскому кесарю. Даже печать Владимировой трезубца имелась.

– Откуда это у тебя? – мрачно поинтересовался князь.

– Позже поясню, – ответил Сергей. – Ты второе прочитай, княже.

Владимир не стал выяснять, как оказалось у боярина послание кесарю. С этим можно и подождать.

Владимир развернул второй свиток. На нем тоже имелась печать. И подпись. Но уже не княжья – чужая.

Шевеля губами, Владимир с трудом разбирал ромейское письмо. Хорошо хоть, написано оно было с каллиграфической старательностью. А уж имя адресата Владимиру известно прекрасно. Паракимемон Василий, истинный правитель Византийской империи, переживший трех кесарей, знаком повелителям всех земель, сопредельных империи.

Владимир читал... И чем глубже он погружался в текст второго послания, тем мрачнее становилось его лицо.

Дочитав, князь сунул оба свитка за пояс.

– Откуда они у тебя? – буркнул он.

– Мой человек добыл, – спокойно ответил Сергей. – Посыл ромейский на моем кнорре отплыл. И немного переусердствовал в питии. А пока он отсыпался, мой человек в пояс ему заглянул – и добыл это. Надо же нам знать, что лазутчики Палатия своим хозяевам докладывают.

– И ты посмел изъять послание, которое я моему брату-кесарю отправил? – В голосе Владимира звякнуло железо.

– Что ты, княже, как можно! – Длинные светлые усы воеводы приподнялись в усмешке. – Твое послание, равно как и второе, по-прежнему следуют в Константинополь. Это всего лишь копии. Мой человек плохо понимает по-ромейски. Зато рука и глаз у него твердые. Потому он буква в букву срисовал то, что было в каждом из писем. И принес мне. А я – тебе. Может, стоило мне их сразу сжечь?

Владимир смерил воеводу холодным взглядом. В одном князь был уверен: воевода не лжет. Не той он породы.

– Опасный у тебя человек, – сухо произнес князь.

– Опасный, – согласился Сергей. – Врагам. Но не мне. И не тебе. Так что ты скажешь, княже? Зря я тебе это принес?

– Нет, не зря, – буркнул князь.

– В таком случае это все, чем я с тобой хотел поделиться. Дозволь мне уйти?

– Иди, – разрешил Владимир. И тут же: – Нет, стой! Сначала ответь, боярин: какой награды ты хочешь за эти... находки?

– Ты уже наградил меня, – сказал Сергей. – Когда уничтожил *тот* жребий⁵.

– Я его не уничтожил, – помедлив, произнес Владимир. Раздернул шнурок привязанного к поясу кошелья, поискал немного и вытащил табличку с начертанными сваргом рунами. – Возьми, – князь протянул табличку Сергею. – Для памяти.

– Что ж, – боярин взял табличку и слегка поклонился. – На память я не жалуюсь, но это – сохранию.

* * *

– Прочитал? – поинтересовался Владимир.

Голос у князя – холоднее льда. Но Блуда бросило в жар.

За дверью негромко, по-своему, переговаривались нурманы. Стоит князю кликнуть – и пропал Блуд. Вывернут руки, обдерут дорогие одежды, как шкурку с соболя, кинут поперек седла и увезут в княжий Детинец. На страшные муки. А может, и в Киев везти не станут: стащат вниз, в подвал, где у Блуда своя пытошная устроена.

Блуд представил, как висит он на цепях с вывернутыми руками, вдыхая дух раскаленного железа, а здоровенные нурманы весело переговариваются по-своему, перебирают шильца и клещи, ссыпают на противень красные уголья...

Ох и трудно было Блуду выдавить эту улыбку. Всей разом собранной воли едва хватило.

– Не серчай, княже, – с раскаянием проговорил Блуд. – Хотел подарок тебе сделать. Нежданный подарок – он ведь всего приятней. Думал: обрадуешься ты, когда я тебе такое богатство привезу.

– Да ну? – Великий князь усмехнулся. Видел: врет Блуд. Но разве Владимир и прежде не знал, что лжив и хитер моравский боярин? Знал, знал. За то и держал при себе. Хитер, подл,

⁵ Более подробно об этом – в книге «Язычник».

да полезен. Вот как сейчас. Прямо с земли серебро поднял. И серебро это всё, до последнего резана, достанется ему, Владимиру.

Усмешка великого князя стала еще шире. Но боярин Серегей каков! Будто знал, что Владимир собирается у него денег занять. А может, дядька Добрыня Серегею намекнул? Надо будет спросить... Ах, молодец боярин-воевода! Пополнить княжью казну серебром своего недруга Блуда – да еще княжью благодарность за это получить.

А не намекнуть ли Блуду, кто его выдал?

Когда ближники твои друг друга ненавидят, править легче.

Не сговорятся за твоей спиной.

Нет, не стоит. Блуд на воеводу Серегею и так зуб точит. Пусть лучше думает, что Владимир сам свитки эти добыл. Побойтся впредь с князем ловчить.

– Значит, у тебя мое серебро? – осведомился Владимир.

– У меня, у меня, – быстро произнес Блуд. – Всё лежит в сохранности. Все двенадцать тысяч гривен!

Ох, не в добрый час решил Блуд с ромейским посланником сговориться! Знал ведь: проклятый ромей своего не упустит. Викинги еще на корабли не сели, а он уже пишет, что заплатил за них собственные денежки. Сполна, за три тысячи мечей. Да еще, сучий сын, себя не забыл: за каждую нурманскую голову по лишней гривне прибавил. Четыре тысячи гривен чистого убытку. Да и остальные четыре тысячи еще неизвестно, когда ромей отдаст. Собственную казну, считай, до дна опустошить придется. Владимир ждать не будет. Не отдаст Блуд добром – возьмет силой. И еще шкуру спустит!

– Пятьдесят пудов серебра я тебе прямо сейчас отдам, – быстро сказал Блуд. – Остальные у меня в киевском доме лежат. Не серчай: я большую часть серебра ромейского на золото уже поменял. Простишь?

– Прощу, – кивнул Владимир. – Золото мне тоже не помешает.

Но на этом нынешние беды Блуда не закончились.

Серебро забрали: пока что только ромейское – в кожаных тяжелых мешках с ромейскими печатями. О чем князю и доложили верные варяги. Нурманов к серебру подпускать – опрометчиво.

Довольный Владимир направился к выходу... И тут из горницы выскочила простоволосая полуодетая женщина и бросилась князю в ноги.

С огромным удивлением Владимир признал в черноволосой вдову собственного брата.

– Спаси, княже! – взмолилась Наталия, обнимая ноги в остроносых красных сапожках. – Не дай погибнуть племяннику своему!

– Встань, красавица! – Владимир, наклоняясь, поднял Наталию и тут же ощутил жар желания. И не диво: необычайно хороша ромейка. Так бы прямо сейчас и...

– Что она делает здесь? – строго спросил он Блуда.

– Сама прибежала! – мгновенно нашелся боярин. – Хочу, говорит, к тебе в наложницы. Ну я и...

– Лжешь, пес! – яростно закричала Наталия и едва не бросилась на Блуда.

Владимир придержал: обнял крепче, с удовольствием прижал к себе трепещущее женское тело.

– Лжешь! Прихвостни твои меня украли! Я их запомнила, княже! – Наталия вскинула разбуряившееся точеное личико навстречу Владимиру. – Я покажу!

– Покажешь, – разрешил князь. – Ежели выкрали тебя – накажу строго. Всех!

Владимир со значением поглядел на Блуда, и у боярина опять упало сердце.

– Со мной поедешь, – решил Владимир. – Где одежда твоя?

– Этот забрал, – еще один яростный взгляд в сторону Блуда. – Княже, дитя мое у него, Святополк. Не дай погубить!

– Не бойся, – ласково произнес Владимир. – Кто твоему сыну зло причинить вознамерится, со мной будет иметь дело. Ты понял меня, боярин?

– Не вели казнить, княже! – Вконец сломленный напастями Блуд бухнулся на колени.

– Может, и не велю, – сурово сказал Владимир. – Там видно будет...

Глава пятая

КНЯЖЬЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

– Пустые слова говоришь, – строго произнес Владимир. – Не будет этого никогда.

– Ну так и я твоей никогда не буду! – воскликнула Наталия.

Князь не разгневался. Разрумянившаяся пылкая ромейка казалась ему еще красивей, чем прежде. Удивительно, как он мог забыть о ней!

– Не сердь меня! – Владимир повысил голос. – Что сказал – выполню. Сына брата моего своим назову. Тебя женой возьму правной, а не наложницей.

– У тебя уже есть жена. И не одна! – напомнила Наталия. – Их что, прогонишь?

– Глупости болтаешь! Я – князь! Сколько хочу жен иметь, столько и будет. А тебя, коли противиться будешь, могу и силой взять!

На самом деле брать ромейку силой Владимир не собирался. Ромейки искусны в любви. Пусть-ка постарается!

– Тогда я убью себя! – пообещала Наталия не очень уверенно.

– Да ну? – Владимир усмехнулся. – А я слышал: бог ваш самоубийства не позволяет.

Наталия промолчала.

– Да и о сыне твоём кто тогда позаботится? Если я его в свой род не возьму, он так и останется изгоем, – вздохнул сокрушенно. – Жаль! Святославу кровь – в холопы.

– Моя вера не позволяет также и многоженства, – чуть слышно проговорила Наталия.

– Зато мои боги против не будут, – отозвался князь. – Более того, по обычаю нашему братнюю вдову за себя взять – доброе дело. Но коли хочешь зваться наложницей – воля твоя.

– Зови кем хочешь, только Блуда покарай смертью. Он князя своего предал, брата твоего. Из-за его коварства брат твой убит!

– Так хочешь отомстить? – насмешливо сказал Владимир. – А ведь вам, христианам, месть запрещена. Знать, не очень-то ты своему богу предана. Ну это ничего. Богов много, и только один из них, ваш Христос, мстителей не жалует. Это потому, что он слаб.

Владимир вынул из поясных ножен короткий широкий кинжал в ладонь длиной с резной печаткой на рукояти.

– Видишь это железо? Когда-то оно принадлежало Роговолту Полоцкому, – сказал князь. – Роговолт резал им мясо, острил стило, метил указы. Роговолтова печать здесь была, – Владимир щелкнул ногтем по головке рукояти с княжым трезубцем, – я ее срезал. Теперь тут моя печатка. И кинжал теперь мой. И все, что было у Роговолта, сейчас или мое, или – ничье.

Глаза великого князя – серые, иглистые. Как слежавшийся зимний снег на норвежских скалах. Наталия никогда не видела норвежских гор, но холодом ее пробрало. «Или моя, или – ничья». Ромейка умела понимать намеки.

– Сильный обидчику не простит, – произнес Владимир, играя кинжалом убитого князя. – Это хорошо, что ты месть лелеешь. Я сильных жен люблю. Сильные жены сильных сыновей родят. – Владимир уронил кинжал в ножны. – А о Блуде ты неправду говоришь. Не мужу твоему он служил, а мне. И служил хорошо. И еще послужит. Так что о смерти его даже и не думай. И охотников не ищи. Узнаю – накажу! – Он поднялся, навис над съжившейся женщиной: широкий, мощный, совсем не похожий на покойного брата. Лютый.

– Устал с тобой говорить, баба. Решай сейчас, кем ты хочешь стать: рабой или княгиней?

– Рабой не хочу, – чуть слышно проговорила Наталия.

– Вот и люблю! – Владимир взял ее за локотки, поднял с лавки. Наталия попыталась спрятать заплаканное лицо, но князь не дал. Развернул к себе, поцеловал крепко, сказал: – Люба ты мне! Ох, любя! – Стиснул крепко, накрыл ягодицы широкими ладонями, сжал больно, жадно.

Пахло от князя так же крепко: конским потом, железом, похотью... Зверем пахло. Слезы катились из Натальиных глаз, но Владимир этого уже не видел: опрокинул грудью на посеченный ножами стол, задрал подол платья и исподницы, мят мягкую плоть твердыми грубыми пальцами. Хотел, видно, пробудить в ней желание, но лишь распалился сам. Насел сверху, навалился, подмял, как жеребец – кобылу, зарычал, ухнул – и отпустил. Быстро управился. Наталья подумала – всё. Ан нет. Владимир не успокоился.

– Разоблачись, – хрипло бросил он.

Наталья противиться не посмела. Развязала пояс, сняла одежду и исподнее, замерла, чувствуя себя рабыней на рынке, которую оглядывает купец.

– Хороша, – одобрил наконец Владимир, шлепнул Наталию по ягодице: не ударил – приласкал. – Оденься и иди в спальню. Там жди.

Уже у дверей окликнул:

– Стой!

Подождал, взял двумя пальцами за подбородок:

– Ничего мне сказать не хочешь?

– Что тебе будет угодно услышать, мой господин? – чуть слышно проговорила Наталья.

– Гордая, – похвалил князь. – И умная. Знаешь, что я своему слову хозяин. Не дрожи. Никто больше тебя не обидит. И сына твоего... *Нашего*. Никто... – сильнее сжал пальцы. – ...Кроме меня.

Владимир отпустил Натальино лицо. На нежной коже остались красные следы.

– Иди, – велел князь. – И помни: твое счастье зависит от моего. Так что постарайся, чтобы я был счастлив. И тогда ты узнаешь, насколько я лучше моего брата. Ты поняла, *княгиня*?

– Поняла, – глядя в пол, прошептала Наталья.

Владимир не видел ее глаз и не мог услышать мыслей ромейки. К счастью для нее.

Глава шестая, В КОТОРОЙ ЛЮДИ РЕШАЮТ ЗА БОГОВ...

– Почему ты его отпустил? – Князь-воевода Артём мрачно уставился на воеводу Пежича. Воеводы не были особо близкими друзьями, но оба варяги. Считаю, братья по оружию. Не родные, но – свои.

– Я поступил по Правде, – спокойно ответил Пежич. – Сам посуди: не драться же мне с Путятёй? Он ведь не нурман какой-нибудь, а наш, Полянский. Тем более виру и головное он уже заплатил.

– Путята – не варяг! – бросил Артём. – А убили варягов!

– Согласен, – не стал спорить Пежич. – Но опять же сам посуди: что они были за варяги? Одиннадцать лет Олруд служил ромеям. В Киеве меньше двух лет живет. Ты это знаешь. Твой отец сам помогал ему обустроиваться.

– Он был родичем старого Рёреха! – напомнил Артём.

– Ну так пусть Рёрах и спросит с убийц, – пожал плечами Пежич.

– А я тебя другом считал, – мрачно проговорил Артём.

– А я и есть твой друг, – спокойно сказал Пежич. – Олруда с сыном жаль, но для твоего рода, Артём Серегеич, его смерть благо.

– Думаешь, что говоришь, воевода!

– А ты сам посуди: первый жребий пал на твоего брата. Его князь забрал. Вроде как на себя принял. Но жертва-то Сварогу все равно нужна. Это же не твой распятый бог, которому одних лишь слов довольно. Осерчает Сварог – не будет нам на этой земле удачи.

– Сам придумал?

– Добрыня сказал.

Артём глянул исподлобья на Пежича, подумал... И кивнул.

Простил.

Пежич вздохнул шумно, заулыбался, хлопнул Артёма по плечу:

– Как женка молодая, Доброслава? Люба?

– Толкова, – ответил Артём. – С приданным своим управится.

– Как это? – удивился Пежич. – А ты что же?

– А наше дело – воинское, – спокойно ответил Артём. – Нам с тобой холопов погонять некогда. Чую я: Владимир в Киеве сидеть не будет.

– Это да, – согласился Пежич. – Как у тебя с ним?

– Обид нет, – кратко ответил Артём. – Что еще в Киеве слышно, кроме сварговых самовольств?

– Нурманы балуют. – Лоб воеводы прорезала вертикальная складка. – Людей обижают, задираются... Денег у князя требуют. За то, что посадили его на киевский стол..

– Собака лает – ветер носит, – зло процедил Артём.

– Это верно, – согласился Пежич. – Владимир своим ближникам, Сигурду и Дагмару, столько земель раздал, что своим ничего не осталось. – В голосе воеводы толкнулась обида.

– Это ненадолго, – заверил Артём. – А Сигурд – это, считай, наш юный Олав Трюггвисон. Олав, как только окрепнет, сразу двинет отцово конунгство у недругов отбивать. А Дагмар князю – родич. И друг давний. Не одарил бы его князь, ты бы первый сказал, что это – не по Правде. Да и ни к чему Дагмару здешние земли. У него – Сюллингфьёрд есть.

– Во-во... – проворчал Пежич. – Уже шея Дагмарова от золота к земле гнется, а ему всё мало. С нурманами, брат, хорошо дерьмо вперегонки жрать: схарчат – никому не оставят. – И вернулся к прежнему: – Значит, ты, Артём Серегеич, на Путятю тоже зла не таишь?

– На Путятю? – Артём усмехнулся. – На него – за что? *Он* головное князю заплатил. И вдове – тоже.

Пежич тоже усмехнулся. Головное князю – это по Правде. А вот с вдовой Путятя ошибся. Это у них, полян, жены мужам наследуют. И скот⁶, и месть. У полян. Не у варягов...

* * *

– Это кощунство, и оно должно быть наказано! – яростно рубя рукой воздух, рычал Путята. – Это не над одним лишь сваргом надругались, а над самими Сварогом и Перуном. Чую я: это христианские козни. Одни христиане способны на подобное! Только они на такое пойдут, потому как для них наши славные боги, боги наших пращуров, – одни лишь мертвые деревьяшки!

– Трудно мне судить об этом. – Владимир пригладил усы, заодно скрывая улыбку. – Вот кабы подождали вы меня, дабы мог я увидеть надругательство воочию, тогда другое дело.

Путята усмешки не заметил, зато она не укрылась от Сигурда, который с интересом ждал, чем же закончится дело.

У великого князя нынче отменное настроение. Вечер и ночь он провел на ложе ромейки. И было ему хорошо. А что до кощунства, так это с какой стороны посмотреть...

– Расскажи-ка мне еще раз, воевода, в каком виде вы нашли этого сварга, – предложил Владимир, изо всех сил стараясь, чтоб голос его прозвучал строго и сурово.

– Твоя воля, княже. – Видно было, что Путяте неприятно говорить о том, как унизили жреца его бога, но он смирил гордыню. – Нашли его утром твои отроки, что пришли к Перуну обряд братания свершить. Лежал он у ног Перуна, и в уши его были вдеты стальные кольца, а сквозь кольца эти была протянута цепь, что обвивала ноги Перуна. Так он и лежал, истомленный ранами и жаждой, пока не подоспел я и не освободил его.

– А были ли на нем знаки, указывающие, что содеяно это христианами? – спросил Владимир.

– Знаков не было, – неохотно признал Путята. – Только кто, кроме христиан, на такое способен? Некому больше! Безжалостно покарать их следует, пока боги не разгневались!

– Может быть, – не стал спорить Владимир. – А давай-ка, Путята, у воеводы Сигурда спросим, что он об этом думает. Что скажешь, ярл?

– Вряд ли это христиане, – прогудел нурман. – Слыхал я, у них в обычае жертву гвоздями к дереву приколачивать, а не на цепь сажать.

– Видишь, Путята, все не так просто, как ты думаешь, – рассудительным тоном произнес великий князь. – Сигурд – мудрый человек, да и защищать христиан ему ни к чему. А если это не христиане содеяли?

– Да некому больше! – в сердцах закричал Путята.

– Ты голос-то придержи! – вмешался доселе молчавший Добрыня. – Не на торгу, чай, – в хоромах княжьих!

Путята зыркнул на Добрыню и прикусил язык. И обиделся. Вот уж от кого не ожидал. Добрыня – полянин. Его род издревле Сварогу да Дажьбогу молился.

– Ты губы-то не криви, – строго сказал Добрыня. – Князь тебя воеводой сделал, так и мыслить должен как воевода, а не как отрок сердитый. Накажем христиан без доказательств должных – не только христиан, но и богов обидим. Надо тех, кто кощунство сотворил, найти. Найдешь, воевода?

⁶ Напомню, что в те времена под скотом подразумевались не только домашние животные, но и всё имущество как таковое. Богатство.

– Да как их искать? – мрачно буркнул Путята. – Сам сварг ничего не помнит: говорит, пьян был. Его прямо из постели украли, где он с девкой тешился.

– Может, девка что помнит? – спросил Добрыня.

– Ничего она не помнит, – махнул рукой Путята. – Да что тут помнить! Я и без того знаю, кто это был.

– Вот как? – прищурился Владимир. – И кто же?

– Боярин Серегей! – выпалил Путята. – Некому более. Иль сыновья его. Иль люди их. Взять их да и спросить строго!

– Интер-ресное предложение... – протянул Владимир, недобро усмехаясь. – И кто ж спрашивать будет? Ты?

– Да хоть бы и я! – запальчиво бросил Путята. – Или вот он! (Кивок в сторону Сигурда.) Нурманы спрашивать умеют!

Сигурд шагнул к Путяте. Уставился пристально.

– Что смотришь? – не выдержал Путята.

– А вот вижу, что оба глаза у тебя на месте, – прогудел нурман. – А мудр, будто Один. Всё знаешь, всё ведаешь. – И, обернувшись к Владимиру, по-нурмански: – Экий шустрый хёвдинг! Сам на поединок идти не хочет. Хочет, чтоб я за него дрался.

Путята нурманскую речь разумел плохо, однако ж слово «хольмганг» было ему знакомо – и он занервничал.

– Он не о поединке говорит, – тоже по-нурмански ответил Владимир. – Хочет, чтоб ты воеводу Серегея и сыновей его к столбам привязал и спросил огнем и железом, не они ли над сваргом поиздевались.

– Тогда он не хёвдинг, а дурак, – заявил Сигурд. – Ты его гони, конунг, или научи Закону, пока он себя и тебя не опозорил.

Путята затравленно глядел то на Владимира, то на Сигурда, не понимая, о чем речь, но чувствуя недоброе.

Тяжелая шуйца Добрыни легла на Путятино плечо.

– Не бойся, воевода, – успокоительно пробасил дядька великого князя. – Никто тебе худого не желает. Но слова такие, что ты сейчас сказал, попусту не говорят. Повтори их при воеводе Артёме Серегеиче – и придется тебе выйти с ним на перекресток.

– И выйду! – твердо заявил Путята. – Со мной – Сварог и сила его! Одолею христианина!

– Христианина? – Добрыня усмехнулся в бороду. – Разве к ногам Христа был прикован твой пьяница-сварг? Подумай хорошенько, Путята?

Путята глянул на Владимира. Владимир тоже усмехался. Перун! Грозный варяжский бог! Великий князь – варяг. И отец его был варягом. И дед. Они служат Перуну и стоят над такими, как Путята. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб понять, чей бог сильнее.

И тогда Путята рискнул выложить свой самый главный довод:

– Воевода Артём грозил сваргу.

– Вот как? – Владимир сразу стал серьезным. – Когда? Кто видел?

– Никто не видел, – буркнул Путята. – Артём ночью, по-воровски, проник на капище, прокрался в камору сварга и грозил ему ножом. Обещал уд отрезать, если покусится на его брата.

– Значит, никто, кроме жреца, его не видел? – уточнил князь.

– Никто. Но сварг не соврал, – убежденно произнес Путята. – Он и говорить-то не хотел. Боялся. Так, по пьяни выболтал. И собачек в ту ночь кто-то убил. Артём это, больше некому.

– Тогда мой воевода – не только воин отменный, но и змей летучий, – заметил Владимир. – На огненных крыльях с уличских земель прилетел, сварга твоего унизил – и обратно умчался. А скажи: девку ту он случаем не уестествовал? Змеи, я слыхал, насчет этого дела... Хотя нет. Они девиц любят, а у сварговой девки небось дырка шире, чем у некоторых – рот.

– Не насмехайся, княже, – мрачно произнес Путята. – Ты обещал защищать и славить наших богов. Если ты слову своему не верен, кто будет верен тебе самому?

Это были злые слова, но Владимир, вопреки ожиданиям Добрыни, не осерчал. Ответил спокойно:

– Ты неправ, Путята. Богов я чту. Капища строю, дары приношу щедрые. Но и от богов я тоже помощи жду. Так по справедливости. А те боги, а паче того – слуги их, что вместо поддержки станут разор руси моей нести, на снисхождение княжье пусть даже не надеются. А теперь иди от меня, Путята, и постарайся, чтоб новый сварг услышал эти слова.

Когда обиженный, но приструненный Путята покинул светлицу, Владимир сказал удовлетворенно:

– Пусть знают! Как я – старший над всеми на своей земле, так бог мой Перун – старший над всеми богами!

– Неужели ты сам велел унизить этого жреца? – удивился Сигурд.

Владимир отрицательно покачал головой.

– Это хорошо, – одобрил нурман. – Не дело это для смертного – богов сердить. Даже слабый бог сильнее самого сильного человека.

– Это у вас так, – подал голос Добрыня. – А у нас богов много. Иных и наказать можно, если требуется. Сам подумай: кабы не мы, кто бы тогда им губы кровью мазал?

Глава седьмая

Дорога от Смоленска на Полоцк

ПРАВО И СИЛА

Впереди, пробившись сквозь волглую морось, мелькнул желтый огонек.

– Ну слава Богу! – воскликнул Славка. – Я ж говорил тебе, Антифка: до ночи доберемся. Переночуем в тепле, горячего поедем!

– Так ночь уже, – проворчал Антиф, но с явным облегчением.

Ночевать под мокрым кустом и ему не улыбалось.

Лошади, почуяв близость жилья, тоже оживились. Бодрее зачавкали копытами по раскисшей дороге.

Вскоре всадники подъехали к невысокому (не от воев – от лихих людей) частоколу, прохлюпали немного вдоль черной стены (дорога здесь изгибалась петлей) и оказались у ворот.

Славка забарабанил по ним древком копья.

– Кого леший привел? – спустя некоторое время сипло поинтересовались с той стороны.

– Я те дам – леший! – рявкнул Славка. – А ну открывай, пока я не осерчал!

Всхлипнул засов, створка ворот со скрипом отодвинулась, и всадники въехали внутрь.

За частоколом обнаружился обширный двор, длинный дом в два этажа с башенкой и еще с пяток строений, тесно прижавшихся друг к другу. Зимы здесь – не то что в Киеве. Тепло приходится беречь. Смерды победнее и вовсе со свиньями под одной крышей обитали.

Закрытые слюдой окошки тускло светились. Особенно ярко – то, что на башенке. Его свет и заметил Славка с дороги.

Дворовые кобели с яростным лаем кинулись к всадникам. Славкин Ворон, шедший в поводу, хватанул одного за шкуру, а другому наподдал копытом. Псы брехать не перестали, но уже – с почтительных пяти шагов.

Из конюшни раздалось ответное ржание. Гостей на постоялом дворе нынче хватало.

Во дворе стоял десяток возов.

– Как бы нам на полу ночевать не пришлось, – заметил Антиф, спешиваясь и снимая с коня переметные сумы.

– Кому? Нам? Не смеши меня! Эй, хозяин, встречай! – рыкнул он и спрыгнул прямо на крыльцо.

Дверь распахнулась.

Жалобный девичий взвизг приветствовал путников.

Славка потянулся было к сабле (вдруг – тати?), но сразу уронил руку. Опасности не было. Внутри было чадно и светло. Горели факелы и огонь в большом очаге. Вкусный запах жареного мяса и свежего хлеба смешивался с привычным духом мокрой кожи и конского пота.

За четырьмя длинными столами выпивали и закусывали человек тридцать. Большинство, судя по одежде, купцы и их челядь. Эти сидели тесно. А вот за ближайшим к очагу столом просторно расположились четверо воев, судя по зброе – не из последних.

Один из них сграбастал местную девку, усадил на колени и развлекался: одной рукой мям девкину грудь, другой шарил под подолом. Эта-то девка и визжала. Обычное, в общем, дело. Для холопки-подавальщицы. Такие редко отказывают воинам. Для того их и держат, чтоб знатных гостей усладить.

– Коней расседлать, обтереть, накормить овсом, кладь – сюда принести, – велел Славка угодливо склонившемуся (разглядел-таки смерд под мокрым плащом дорогую бронь) хозяину, а сам двинулся к тому столу, где расположились воины.

Скинув плащ, Славка уселся на скамью, снял шлем, поставил его перед собой на стол, стянул вязанный сухой подшлемник, откинул назад варяжскую косицу, пригладил отросшую щетинку на голове...

Четверо воев прекратили есть и усталились на Славку. Сластолюбивый перестал мять девку, и сама девка притихла, с надеждой уставилась на Славку. Личико ее, вполне симпатичное, было мокрехонько от слез, задремавший подол обнажал славные белые ножки в бисерных черевичках. Раз в обуви, значит, не простая холопка. Может, дочка хозяйская?

Как вновь прибывшему, Славке полагалось поздороваться первому. Кабы не девка, он бы так и сделал. Но заплаканные глазки пробудили в Славке вполне объяснимую неприязнь к четверке воев. Не любил Славка тех, кто мучит для забавы. Коли дело требует – тогда другое дело. А для забавы терзать слабых – это подлость. Так его батя учил. И еще учил, что подлого следует проучить. Хотя если тот – в своем праве... Вот хозяин здешний помалкивает... Хотя что он может сделать против четверки воев? Посаднику полоцкому пожаловаться? Так посадник княжий далеко. А сам князь – еще дальше.

Хотя не так уж и далеко. Вот Славка – здесь. А Славка и есть – рука князя. Карающая, если понадобится...

Вычленив из четверых главного: плечистого усатого мужа, стриженного «под горшок», Славка уставился на него и весьма грубо поинтересовался:

– Чьих будешь?

– А кто ты таков, чтоб спрашивать? – Выговор усатого похож на болгарский, но не болгарский. Этакое змеиное пришипывание.

Девка, улучив миг, вывернувшись из рук сластолюбивого и кинулась прочь.

Сластолюбивый дернулся было, но, повинувшись знаку усатого, остался на месте.

– Что угодно славному господину? – Хозяин постоялого двора, почуяв нехорошее, поспешил вмешаться. – Есть добрая ушица с глухарем, оленинка печеная, пироги с рыбкой...

– Неси всё, – разрешил Славка. – Вино есть?

– Нету! – Хозяин огорченно развел руками. – Пивко есть. Свежайшее, только сваренное. Медовуха, сбитень...

– Давай пиво. И комнату нам приготовь. Лучшую. Какая у тебя лучшая?

На усатого он больше не глядел. И ответом его не удостоил.

Хозяин замаялся... Думал, не соврать ли? Но потом все же признался:

– Лучшая занята, благородный господин. Но есть другая, тоже очень хорошая. Я попрошу тех людей (кивок в сторону купеческой компании) освободить одну.

– Мне не нужна «тоже хорошая», – строго сказал Славка. – Мне нужна лучшая. На вот, – он бросил на стол монету – свеженький, только что отекаренный золотой с профилем князя Владимира. – Этого хватит.

– Щедро, – недобро шурясь, процедил усатый чужеземец, глядя на вертящуюся монету.

Он был прав. За такие деньги Славка мог занять весь трактир седмицы на три и пировать целой сотней.

– Щедро, но все-таки слишком мало. Будешь спать, где положат, богатенький рус.

– А ты не лез бы в чужой разговор, бедненький не-знаю-как-тебя-зовут! – посоветовал Славка. – А то как бы тебе самому прежде времени не лечь. Да не на перину, а куда пожестче.

Чужеземец осклабился, встопорщив усы.

– За такие слова отвечать надобно, – сообщил он, для наглядности предложения погладив рукоять сабли, с которой не расстался и за трапезой.

Не то чтобы Славке уж очень хотелось драться. С большим удовольствием он сейчас перекусил бы, выпил и завалился в постель. Но отказываться от вызова – стыдно.

– А ты не из трусливых, – похвалил Славка. – Не всякий пес посмеет на варяга хвост напружить. Не всякий... только совсем глупый. Так что быть тебе, пес, бесхвостым.

Надо отдать должное четверке иноземцев: отреагировали они мгновенно.

Не успела грохнуть об пол опрокинутая скамья, а все четверо уже были на ногах с оружием наголо. Но и Славка тоже не спал: его сабля смотрела в рот усатому. Малое движение – и станет усатый одноусым. При этом Славка даже встать не потрудился. И то: пристало ли сотнику киевского князя суетиться?

Если иноземцы и хотели наброситься на Славку все разом, то воплотить это желание им помешали. Стрела с хрустом вонзилась в стол, расщепив толстую доску.

Пока шел разговор, предусмотрительный Антиф успел расчехлить лук и набросить тетиву.

Вторая стрела лежала на кибити. Черный граненый наконечник глядел в грудь усатого. Промахнуться, как и увернуться, на таком расстоянии невозможно. На усатом был пластинчатый доспех, но нет такой брони, что остановит стрелу, выпущенную из доброго степного лука с расстояния в девять шагов.

Народ, трапезничавший в зале, разделился на две неравные части. Большинство постаралось убраться подальше, но шестеро торговых людей с ближнего стола похватили сложенную у стены воинскую снасть и встали на сторону Славки.

– Не бойсь, поддержим, – негромко произнес старший, бородатый кривич. – Поучим наглых лехитов.

«Значит, вот кто они, – понял Славка. – Лехиты. Люди князя Мешко⁷. Того, что воевал с лютичами. Какого лешего им надо здесь, на полоцкой земле?»

– Пан Кошта! Что здесь происходит?

Сказано было по-латыни и голосом столь властным, что Славка очень удивился, когда увидел говорившего. Держась за резное перильце, сверху спускался черный монах.

– Наглый язычник желает занять наши комнаты, – тоже по-латыни (на очень скверной латыни), не поворачивая головы, процедил усатый. – Дозвольте мне его проучить, ваше преподобие!

– Как бы он тебя не проучил, – сурово произнес монах, недобрым взглядом смерив Славку, изготовившегося к выстрелу, Антифа и вооружившихся купцов. И, ломая правильную речь чуждым выговором, обратился уже прямо к Славке:

– Кто ты есть, человек, что смеет грозить послу? Твой князь тебя строго накажет!

– Я так не думаю. – Славка махнул саблей. Усатый Кошта качнулся назад, но парировать не стал. И правильно. Выпад был нацелен не на него. Кончик сабли подхватил с лехитского блюда кус жареного мяса. Славка поймал его левой рукой, откусил, прожевал не спеша, выдержал паузу, с удовольствием пронаблюдав, как стекает по лбу напряженного Кошты капелька пота...

– Я думаю, – произнес Славка неторопливо – на своей тоже весьма скверной, но вполне понятной латыни, – что человека, который назвал меня язычником, можно простить. – И, уже на родном словенском: – Ведь он сделал это по неведению. А вот того, кто угрожал оружием сотнику великого князя киевского, – Славка вновь сделал паузу, – следует наказать. И наказать примерно. Однако я склонен простить и эту обиду, если невежда склонит колено, повинится и немедленно уберется из этого дома.

– Песья кровь! – взревел усатый. – Я порежу тебя на куски!

– Банг! – Стрела, посланная Антифом, вышибла саблю из пальцев лехита.

Тот тупо уставился на собственную руку. Потом на кончик новой стрелы, чудесным образом заменившей ту, что выбила саблю.

⁷ Первый исторически достоверный польский князь (около 960–992). Из династии Пястов, сын Земомысла. В правление Мешко I началось складывание польского государства. Вёл войну с лютичами (967) за Поморье, с Чехией (990) за Силезию и Малую Польшу. В союзе с чешским князем Болеславом стремился к ослаблению «Священной Римской империи». В 966 ввёл христианство (по латинскому образцу).

Купцы обидно загоготали.

Черный монах, проявив необычайное проворство, кинулся вперед, оказавшись между лехитами и русами:

– Мир! Мир! – закричал он, раскинув руки. – Я платить вира за обиду.

– Вот это другое дело! – одобрил Славка, опуская саблю и вытягивая на свет золотую бляху: княжий знак с трезубцем, облакавший сотника правом говорить устами великого князя Владимира. Правда, бляху эту ему вручили для другого дела, но ведь Славка и без нее вел бы себя точно так же.

– Как старший здесь человек великого князя Владимира, а посему облеченный правом суда, я назначаю виру... – Славка сделал многозначительную паузу, – ...в добрый ужин для всех нас. – Он махнул рукой, включив в это «нас» не только Антифа, но и взявших его сторону купцов. – А также лучшую постель и еще – половину серебряной марки. Полмарки – князю, остальное – нам.

– Согласен, – быстро сказал монах.

– А я – нет! – Пан Кошта вновь завладел своей саблей. – Я, благородный Кошта из Мышлиц, требую немедленной сатисфакции.

– То есть ты хочешь со мной драться? – уточнил Славка.

– Да! Здесь и сейчас!

– Не возражаю, – кивнул Славка. – Но без долга крови.

– Что? – не понял лехит.

– Если я тебя убью, то виру платить не буду, – пояснил Славка.

– Я сам тебя убью! – крикнул Кошта.

– Коли так, то виру платить не будешь ты.

– Быть по сему! – согласился лехит.

– Пан Кошта! Вы не можете драться! – вмешался монах. – Вы – мой человек! Вы клялись на распятии беречь мою жизнь, как свою!

– Клялся, – согласился лехит. – Однако твоей жизни, патер, ныне ничто не угрожает, а для меня честь дороже жизни! Я буду драться, – добавил Кошта. – Если меня убьют, старшим будешь ты, Яцек. Пойдем во двор, рус! Там просторней.

– Пойдем, – не стал возражать Славка.

Монах только и мог, что перекреститься да последовать за поединщиками.

Снаружи все так же моросил дождь. Ноги скользили по раскисшей земле. Верховые сапоги Славки были не лучшей обувью в такую погоду. Правда, и на лехите была схожая обувка: остроноса, на каблуке.

Кошта натянул на голову высокий шлем с бортиками, защищающими лицо не только от ударов, но и от дождя. В левую руку взял маленький круглый щит с острым шишом.

Славка вместо щита взял меч, прямой, обоюдоострый, германской работы, с широким долом и крепким щитком – отличную пару к доброй сабле.

Все обитатели постоялого двора высыпали наружу и глазели, забыв про дождь. Света, падающего из окон и распахнутой двери, было довольно, так что факелов зажигать не стали.

Лехит, увидев, что Славка обоерук, в восторг не пришел, но отступить ему уже было некуда.

– Назови свое имя, рус! Я хочу знать, кого убью.

– Я – Богуслав, – не стал скрывать Славка. – Возможно, я не стану тебя убивать. Боевитый холоп моему роду пригодится. Посадим тебя на какой-нибудь дальний погост. Будешь со смердов оброк собирать. Женишься, рабичичей наплодишь...

От подобной жизненной перспективы пан Кошта пришел в лютую ярость и набросился на Славку с бешенством подраненного тура.

Однако Славка туров брал не раз и знал, как с ними обходиться. Подался назад, будто испугался, пропустил мимо себя, откинувшись назад и сбив лехитскую сабельку коротким ударом меча, и тотчас хлестнул вдогонку собственной саблей. Пластинки лехитского панциря взвизгнули и прыснули сорванной чешуей. Кафтанчик пана Кошты тотчас окрасился алым.

Но рана лишь подзадорила лехита. Лихо развернувшись, он вновь налетел на Славку, так умело работая саблей и щитом, что варягу пришлось отступать уже не притворно. Кабы не рана лехита, славный мог бы выйти бой, потому что пан Кошта оказался бойцом не из последних, а Славка был голоден и утомлен переходом.

Однако вскоре потеря крови и неизбежная скованность пораненных мышц замедлили движения лехита, и Славке уже ничего не стоило бы отправить противника за Кромку. Однако, если бы Богуслав хотел лехита убить, он сделал бы это первым ударом.

Слова о том, что лехиты – послы, не прошли мимо его внимания. Убивать же посланников – стыдное дело. Даже если они сами нарываються.

Но заканчивать надо. Жесткий отбив мечом, удар саблей сверху, наискось. Пан Кошта вскинул вверх щит... И носок верхового сапога Славки угодил лехиту под колено.

Нога гордого пана подвернулась, и он всей спиной рухнул в грязь. Подняться пану Коште не хватило прыти. Славка наступил лехиту на правое запястье, ударом меча вышиб щит, а саблей тихонько потрогал лехитово горло пониже подбородочного ремня.

– Сдаешься?

– Режь! – с ненавистью выдохнул пан Кошта.

Спутники пана Кошты мрачно глядели на Славку, но вмешаться не пытались. Бой был честным, да и сила была не на их стороне.

– погоди, благородный воин! Я готов купить жизнь этого человека!

Как и предполагал Славка, черный монах не остался равнодушным.

– Хороший холоп стоит недешево, – заметил Славка.

Пан Кошта зарычал медведем, дернулся. Но силы у него были не медвежьи, а весу в бронном Славке – за семь пудов. Так что лехит лишь еще больше перемазался в грязи.

– Две серебряные марки! – предложил монах.

Цена была невелика. Две марки – это чуть больше гривны. Однако Славка торговаться не стал. Все равно не выйдет из Кошты доброго холопа. Такой скорее зарежется, чем наденет ярмо.

– Две, – согласился он. – И еще полмарки – вира князю. Антиф, прими деньги.

Когда тугой мешочек сменил хозяина, Славка убрал свой клинок, вынул из онемевших пальцев лехита саблю, подрезал пояс пана Кошты и сдернул его вместе со всем содержимым и навешанным. Он был в своем праве: монах выкупил жизнь своего человека, но не его имущество.

– перевяжите его и уберите, – велел Славка, отступая от поверженного противника.

Друзья пана Кошты тут же кинулись к нему, подняли, поволокли в дом.

– Как понимать твои слова? – спросил монах.

– Так и понимать, – на Славку вдруг навалилась усталость. – перевяжите и уезжайте. Вон телега пустая стоит. Поговорите с хозяином – может, уступит за хорошую цену.

– Разве это по-христиански? – Монах перешел на латынь. – Этот человек ранен. Неужели благородный победитель, аки добрый самаритянин, не явит милосердия?

– Не явит, – буркнул по-словенски Славка. – Нечего было за саблю хвататься. Благодарю Бога, что я не просек ему хребет. А ты, патер, лучше присматривай за своими людьми. По нашей Правде, если кто вольную девку или жену ссильничает, повинен смерти.

– Это ты к чему?

– К тому, что присматривай за своими людьми получше! – рявкнул Славка.

И, не желая более болтать, двинулся к столу, где проворный хозяин уже понаставил горячих кушаний.

Лехиты покинули постоялый двор раньше, чем Славка с Антифом закончили трапезу.

Дружки пана Кошты молча положили к Славкиным ногам прорубленную бронь, шлем и щит проигравшего. И отбыли.

Хозяин, очень довольный результатом: избавился от опасных постояльцев (заплачено было вперед) и продал с наваром старую телегу, – вился ужом, стараясь угодить Славке. Даже намекал, что при хорошей оплате (золотой, брошенный щедрой Славкиной рукой, своевременно прибрал Антиф), его дочка, невинная девица, может оказаться в Славкиной постели.

Зря намекал. Славка осерчал и заплатил вдвое меньше, чем намеревался. Да еще горячую воду потребовал – помыться.

А дочка, та самая девка, которую мацал лехит, к Славке и так пришла. Кто бы сомневался?

Вот только насчет невинности папаша ее... напутал.

Ну так натопанной дорожкой по чужому полю ходить – еще и удобнее.

Глава восьмая

Бывшая вотчина князя Роговолта

СИЛА И ПРАВО

К Полоцку добрались после полудня.

Не без облегчения – последние два поприща Славка время от времени чувствовал чужой пригляд. Может, местные тати, может, кто из обиженных лехитов увязался. Посему ни он, ни Антиф броней не снимали, ехали на боевых конях и тетивы держали на луках.

Сторожиться для воина, конечно, дело привычное. Но немного утомляет. Так что Полоцку – обрадовались.

Завоеватели уже успели выправить порушенное при осаде, и бывший стольный град Роговолта вновь встал грозно и крепко. Вот только хозяева у него теперь другие.

Обгоняя возы и смердов, поспешно уступающих дорогу гридням, Славка и Антиф бодрой рысью подъехали к городу.

В воротах, как и положено, стояла стража: проверяли, кто что везет, вжимали въездную пошлину и мыто князю.

Славка распахнул плащ, чтоб виден был его золоченый пояс – принадлежность старшей гриди. И послал коня вперед, твердо уверенный, что задержать его полоцкая стража и не подумает.

Однако ошибся. Потому что не признал своего давнего недруга. А он – тут как тут.

Скегги-Шепелявый опознал Богуслава тотчас.

Скегги дважды встречался со Славкой. В последний раз – когда Славка тайком пробрался в горницу Рогнеды. В тот раз Скегги «повезло» схлопотать стрелу в плечо. Рана не опасная, но неудобная. Пришлось Скегги покинуть хирд и остаться здесь, в Полоцке. Ярл Сигурд ушел на Киев без него. Обидно! Так обидно, что на золотой пояс варяга Скегги даже не взглянул.

– А ну стой! – закричал нурман, хватая Славкиного Ворона за узду. – А ну стой, Роговолтов прихвостень!

Вот это он сделал зря. Хватать за узду боевого коня – все равно что у волкодава мясо из пасти выдирать. Ворон вскинулся, выбросил копыто – и нурман покатился по земле. Остальные стражи вмиг оцетинились оружием, хотя нападать не спешили: эти заметили и пояс, и по-княжьи богатую бронь.

Славка ленивым движением вытянул из-за пазухи золотую бляху с княжьем трезубцем:

– Старшего сюда!

– Проводи меня в терем, – приказал он подбежавшему десятнику. – А ты, нурман, – Славка слегка наклонился, чтобы скрючившийся от боли Скегги его услышал: – Ты, нурман, если на меня в обиде, ты только скажи.

Скегги промолчал, лишь проводил Славку полным ненависти взглядом.

Наместник Владимира в Полоцке, старый соратник Владимира Лунд принял Богуслава не откладывая. Если он и узнал в Славке гридня, который доставил им немало неприятностей во время взятия Полоцка, то виду не подал.

После обмена положенными приветствиями Славка сообщил о цели своего приезда.

– Вот это доброе дело! – обрадовался Лунд. – Забирай ее, сотник, поскорее. Допекла меня эта княгиня-полонянка – терпения моего больше нет! Вот пообедаешь – и сразу забирай!

– Погоди, наместник! – возразил изрядно удивленный таким предложением Славка. – Ей ведь собраться надо и княжичу всё в дорогу собрать. Да и тебе время потребуется, чтоб охрану нам подобающую составить.

– А твои вои? Что, мало их? – спросил Лунд.

– А мои вои – я сам да друг мой, – сообщил Славка.

– А я думал, ты со своей сотней прибыл, – огорчился Лунд. – Рисковал ты, сотник. На дорогах наших нынче неспокойно. Что ж князь тебе воев не дал?

– Это не моего ума дело. – Славка, естественно, не стал говорить, что исключительно собственное желание поскорее увидеть Рогнеду заставило его отказаться от сопровождения. – Как видишь, мы здесь, и в целости.

Будь Славкина воля, он бы рискнул обойтись без чужих дружинников. Путешествовать сам-на-сам с Рогнедой (верный друг Антиф – свой, не проболтается)... О чем еще можно мечтать?

Но Лунд всё равно не отпустит княгиню без сопровождения. И даже не из-за разбойников. Для многих кривичей не Владимир, а Рогнеда – законная правительница Полоцка. Попади она в руки уцелевших сторонников Роговолта – тотчас новая война начнется. Полоцк – лакомый кусок не только для Киева. Тот же лехитский конунг Мешко с удовольствием возьмет его под себя. Да мало ли врагов у Владимира? Все они охотно объединятся вокруг Рогнеды. А случись что с маленьким Вышеславом, сыном покойной Олавы, и сын Рогнеды станет ближайшим наследником самого Владимира...

Нет, без надлежащей охраны Лунд княгиню не отпустит. По тому, как нахмурился и зашевелил губами Лунд, Славка сразу понял, что наместник прикидывает: сколько дружинников можно отправить с Рогнедой.

– Ага, – наконец изрек наместник-свей. – Дам тебе полусотню воев и большую лодью. Еще кнорр Хривлы с вами пойдет.

Что ж – водой идти, это понятно. С княжной, дитём и своркой девок-прислужниц посуху – долго и хлопотно. А вот кнорр...

– Кнорр-то зачем? – удивился Славка.

– Затем, что Хривла и так в Киев собирался. Наш конунг Вальдамар обещал ему городок на юге подарить и землю хорошую.

– За что такая щедрость? – полюбопытствовал Славка.

Лунд глянул строго на Славку – хоть снизу вверх (наместник был на полголовы ниже Славки), но – будто свысока.

– Ты, сотник, еще по гусям тупыми стрелами пулял, когда мы с конунгом в вики ходили. И Хривла – с нами.

– Понятно, – кивнул Славка. – Воинское братство – это святое, – и погладил выбритую вчера (к Полоцку) голову.

Лунд усмехнулся, уже вполне дружелюбно. Сам он был – свей. Хривла – дан. Однако прежняя вражда между скандинавами и варягами иссякла. Все они стали русами – чатью и ратью великого киевского князя.

* * *

– Здрав будь, сотник Богуслав.

Рогнеда изменилась. Очень. Встреть ее Славка где-нибудь на торжище – не узнал бы. Тяжелый шаг, бледное суровое лицо, выглядывающее из шелкового куколя. На голове – соболья шапка, поверх меха – толстый серебряный обруч. Корона. Платье тяжелое, затканное золотыми и серебряными птицами, шитое жемчугом – до пола. Рукава широкие, с бережным

шитьем серебряной канителью. Такое платье потяжелей, чем Славкина броня. Потому и держится княгиня очень прямо, а двигается осторожно, маленькими шажками.

Нет, не к такой Рогнеде спешил Славка...

– Хорошо ли доехал? Не тревожили разбойные люди?

За спиной Рогнеды – строй девичий: впереди те, что одеты побогаче: дочери лучших полоцких людей, за ними – служанки-холопки. Княгиня впереди – как воевода.

– Не случилось, светлейшая княгиня. Скучно ехали, – Славка сверкнул улыбкой.

Показалось иль нет, что уголки рта Рогнеды дрогнули?

– А я слыхала: повздорил ты с лехитскими послами...

Лунд за спиной Славки громко засопел. Удивился.

Вот, значит, как: Рогнеда новости узнает быстрее, чем княжий наместник.

– Да разве ж это – повздорил? Так, поучил немного. Невоспитанные люди. Обычаев наших не ведают, закон не чтят. Не могу же я, княжий дружинник, мимо пройти да отвернуться. Рассказать, как дело было?

– Мужу моему расскажешь, – строго произнесла Рогнеда. – А пока отдыхай, сотник. Сборы мои будут небыстрыми. В первый раз землю свою покидаю. Вечером зайдешь ко мне. Послушаю, как живут у вас, в Киеве.

Шевельнула рукавом, две девки подскочили, подхватили под руки, повели прочь из палаты.

Лунд вздохнул. С облегчением. Пожаловался:

– Трудно мне здесь, сотник.

– Не любит тебя люд полоцкий?

Лунд щелкнул пальцами. Теремная девка поднесла ему чашу с пивом. Такую же подали и Славке. Дорогая чаша – из синего заморского стекла. А пиво – так себе.

Лунд выпил, рыгнул, кинул чашу в руки прислужницы.

– Не любят, – согласился он. – Так это дело обычное. Кто ж победителей любит? Ропщут. Козни строят мелкие. У меня дня три назад хирдманн пропал. Ушел в город и не вернулся.

– Может, загулял?

– Может, и загулял. Только этот – уже третий загулявший. А мне даже виру не взять. Собрал старшину здешнюю, говорю: выдайте злодеев. А они мне нагло так отвечают: какие злодеи? Сбежали твои люди. Пограбить отправились, как у вас в обычае.

Лунд сжал оголовье меча.

– Будь моя воля, – процедил он, – взял бы по жребию кого-нибудь из городской старшины да и казнил показательно. За первого. А за второго – пятерых. Тогда б и третьего не было.

– Без вины взять? – Богуслав покачал головой. – У нас такое – не в обычае. Владимир не одобрил бы.

– Конунг одобрил бы порядок. Полоцк – не вольный Новгород. Он теперь – княжья земля. Город на клинок взят, так что люди, что живы остались, считай, рабы княжи. А наглости – будто сами князья. Намотал бы одному-другому кишки на кол, глядишь, и поняли бы, у кого теперь власть.

– Ну так почему ж не намотал?

– Княгиня, – буркнул Лунд. – Увози ты ее скорее, сотник. Пока она здесь, покоя не будет. Нутром чую: люд здешний только и думает, как бы взбунтоваться. А Рогнеда – законная наследница Роговолта.

– Наш князь – его наследник, – возразил Славка. – И по праву крови,⁸ и по праву брака.

– Есть только одно право, – сказал свей. – Право силы. У меня в хирде – двести мечей. Еще триста – сброд здешний. Из тех, что с конунгом пришли. Моих – не любят. Друг друга –

⁸ Напомню, что по языческим обычаям тот, кто убил вождя, сам становился вождем.

тоже. Только и держит, что полоцкие всех нас ненавидят еще больше. Так что сила пока – за мной. – И спросил внезапно: – Лехитов ты убил?

– Как можно! – Славка даже удивился. – Послы. В Киев к князю идут. Один сдуру на меня полез. Я ему кровь пустил, но добивать не стал. Монашек, что у них главный, его выкупил.

– Жаль, что не добил, – проворчал Лунд. – Лучше бы всех их – волкам на поживу. Послы эти десять дней тут терлись. Послы! Я им – пир устроил, а они даже не отдарились. С княгиней монашек этот раз пять встречался. Диадему ей поднес. Парчу да камня красные. Мне – ничего. И после пира ко мне – ни ногой. С местными боярами-недобитками больше пива выпили, чем у меня на пиру. О чем им с княгиней говорить? А уж с местными – тем более! К князю едут – со мной должны беседовать. Я тут – рука княжья!

– Да ладно! – успокаивающе произнес Славка. – Было бы настоящее посольство – из людей нарочитых, тогда другое дело. А это так, мелочь. И главный над ними – монах. Тебе они – не ровня.

– А княгине, значит, ровня? – оскалился Лунд. – Ты сам здешний, сотник. Тебя с виду от кривича и не отличишь. Но ты – воин. Я помню, как ты с нами дрался, когда Полоцк брали. Был враг, теперь – друг. Конунг тебя поднял. Значит – достоин. Я тебе так скажу, сотник: очень хорошо, что конунг Роговолтову дочь к себе забирает. Я каждую ночь, как спать ложусь, думаю: вот найдется среди полочан добрый воин, вроде тебя, и объявит, что берет Рогнеду от Владимира себе в жены. И будет бунт. Потому что за Рогнедой местные – пойдут. Уверен. Даже если и умирим бунтовщиков – всё равно конунг не похвалит. А если не умирим...

– Тогда придет Владимир с ратью, – перебил Лунда Славка. – И сровняет Полоцк с землей.

– Он придет – а тут уже лехитское войско сидит. От Гнездно досюда не дальше, чем от Киева. Пойдем, сотник, выпьем да перекусим. Ты приехал, так что теперь тревоги мои – дело прошлое.

Сказал так Лунд, однако незаметно было, чтобы тревоги его грызть перестали.

И за трапезой наместник полоцкий не переставал жаловаться:

– Непокойно в княжестве, сотник, ох, непокойно. В самом городе моя власть еще держится, на реке – тоже. А вот в лесах – каждый сам себе хозяин. Лесовики дань не несут. Погосты⁹ пусты.

Людей за мытом посылал – ни людей, ни мыта. По дорогам меньше чем полусотней ехать – опасно. Народец в обозы сбивается. Что вы вдвоем дошли – удача немалая.

– Бог хранил. – Антиф, сидевший по правую руку Славки, перекрестился.

– О! Да этот гридь – ромейской веры! – зычно удивился приглашенный на пиршество и уже порядком набравшийся дан Хривла. – А мне ввали, что Владимир всех христиан из Киева повывел. Один отец твой, Богуслав, да родичи его и остались. Или вы – сродники?

– Побратимы. – Славка приобнял за плечи напрягшегося Антифа.

– Это хорошо! – одобрил Хривла. Поднялся, вздел полный пива рог и возгласил:

Коль в секирном звоне,
В танце стрел кровавом
Брата брат отыщет,
Крепче нет союза,
Радости нет больше,

⁹ На всякий случай напоминаю: погостом в те времена называлось место, куда свозили оброк. На погосте останавливался (гостил) князь с дружиной во время полюдь. Позднее погостом стали называть сельский приход, то есть церковь с домами попа и причта, а также располагавшееся здесь же сельское кладбище.

Чем тростник валькирий
Выкосить мечами,
Вранам снедь готова,
Вместе с побратимом!

Осушил рог досуха, грянул его об пол... И сам грянулся – лицом в блюдо с жареными куропатками.

– Добрая виса! – сказал Лунд по-свейски. – И воин добрый. Жаль мне его отпускать. Сколько мы с ним прошли вместе... С ним и конунгом нашим Вальдамаром. – Наместник с удовольствием окунулся в воспоминания: – Вот однажды пришли мы с конунгом нашим да ярлом Дагмаром в шесть кораблей на землю франков...

* * *

Сидели долго. Лунд всё рассказывал и рассказывал. А речь его становилась всё невнятной...

Славка на пиво не очень налегал. Как чувствовал.

Едва разошлись по покоям, едва лишь закрыл Славка за собой двери, как в них негромко постучали.

Девка. Славка подумал: Лунд прислал. Симпатичная девка. Даже чем-то на Рогнеду похожа. Но – не Рогнеда.

– Прочь, – сказал он равнодушно. – Ты мне не нужна.

Девка не обиделась. Оглянулась по сторонам опасливо, шепнула:

– Княгиня зовет. Ступай за мной.

И заторопилась по коридору. Славке ничего не оставалось, как последовать за ней.

Идти к *новой* Рогнеде было ему страшно. Он любил... Но ее ли? Что осталось в надменной правительнице от той жаркой юницы, что обнимала его в страшное время осады?

В покои Славка вошел один. Девка постучала хитрым стуком и толкнула Славку к дверям.

Затворив за собой двери, Славка на несколько мгновений замер, прислушиваясь и принюхиваясь. По извечной привычке воина. Пахло в покоях сладко. Благовониями, женщиной, грудным молоком. Дыхание слышалось лишь одно: быстрое, прерывистое. Беспокойное. А вот голос, который окликнул Славку, прозвучал ровно, даже насмешливо.

– Чего испугался, гридь? Засады здесь нет, только мы.

Не колеблясь более, Славка откинул парчу, разделявшую покои и альков.

Недолго он удивлялся этому «мы». На краю широкого ложа сидела Рогнеда. Простоволосая, в длинной рубахе из паволоки с красной обережной вышивкой. Очень красивая, совсем не суровая, а мягкая и теплая даже с виду. Рядом, в резной люльке под крохотным балдахинчиком спал младенец.

Рогнеда встала, откинула голову, пропустила пальцы сквозь густые золотистые волосы...

Нет, она все-таки изменилась. Округлилась по-женски, налилась молочной белизной, бедра стали шире и тяжелее. Только маленькие ножки остались такими же маленькими.

Рогнеда замерла с поднятыми руками, тяжелая грудь приподнялась, губки раскрылись...

Внезапно Славка догадался: она так же тревожится, как и он. Не уверена в своей красоте, не знает, как отнесется к ней Славка теперь...

Славка сразу успокоился. Рогнеда больше не была неприступной княгиней. Она – просто женщина. Его женщина.

Славка улыбнулся как умел – неотразимо, шагнул назад (занавес упал, разделив их ненадолго), задвинул засов, вновь откинул парчу, подхватил свою любимую, прижал к груди...

– Погоди, – прошептала Рогнеда, оттолкнув Славкины нетерпеливые руки. – Взгляни сначала...

И откинула балдахинчик с люльки.

Внутри, уютно свернувшись, спал младенец. Обычный младенец, крепенький, розовый, с белыми кудряшками. Младенец как младенец. Здоровый с виду, но совсем обычный. И не скажешь, что княжич.

– Твой сын! – с гордостью сообщила Рогнеда. – Изяслав!

Славка присмотрелся внимательнее. Нет, никакого сходства между собой и малышом не уловил. Но спорить не стал – матери виднее.

– Не проснется? – спросил Славка. Как обращаться с младенцами, он не знал. Да и ни к чему. Женское дело.

– Нет. Я ему отвару дала сонного, – подняла на Славку сияющие глаза. – Эта ночь – наша. Только наша.

Набросила балдахинчик, схватила Славку за отворот рубахи:

– Ладо мой! Возьми же меня! Скорей!

И Славка взял ее. Сразу. Не раздеваясь. Опрокинул на край ложа, задрал рубаху с вышивкой, распустил гашник, подхватил под белые колени, и стало ему так сладко, как давно не было. Рогнеда тихонько постанывала, запутавшись пальцами в Славкиных волосах, вздрагивала всем телом, тянулась навстречу...

– Тебе хорошо? – спросила она, когда Славка, расслабившись, перевернулся на спину, потянув ее за собой.

– Да, очень, – шепнул Славка в мягкое ушко. – Но тебе будет еще лучше...

И не обманул. Помог ей снять измятую рубаху, разделся сам, задул огоньки изложниц и наслаждался Рогнедой сполна. Каждым изгибом, каждой складочкой, ямкой. Сначала неторопливо и бережно, потом – сильно и страстно, наконец – жадно и нетерпеливо, почти грубо, так, чтобы любимая до дна прочувствовала его силу и растворилась в ней, забыла обо всем... Как и он сам.

Славка ушел от княгини задолго до того, как небо за слюдяным окошком начало сереть. Следовало соблюдать осторожность.

Великий князь Владимир легко относился к брачным узам. Если речь шла о нем самом. Вряд ли он так же спокойно принял бы измену собственной жены. А уж узнай он о том, что его сын – может быть, и не его, – тогда ни Славке, ни Рогнеде не сносить головы.

Впрочем, о последнем великий князь догадался бы лишь в том случае, если бы узнал, что невинная девица, которой он овладел в день взятия Полоцка, – не осиротевшая княжна, а ее холопка.

Укладываясь в собственную постель, Славка чувствовал бы себя совершенно счастливым, если бы не тихое ворчание возмущенной совести. Все-таки он предал своего князя. Хотя... Было у Славки и чем оправдаться.

Всё же он был с Рогнедой раньше Владимира и по собственному ее желанию. А если у возлегшей с воином, но позже венчавшейся с другим девицы рождается ребенок, то по законам Рода отцом его считается законный муж, а не заезжий добрый молодец. Так, дочка Славкиной полюбовницы Ульки, рожденная через два месяца после брака, по закону и обычаю считается не Славкиной дочерью, а – ее мужа Юнея. Узнав об этом событии, Славка не преминул отправить в Смоленск дорогой подарок. Подарок приняли и поблагодарили. Всё было правильно.

С другой же стороны, языческий брак полоцкой княжны и убийцы ее родичей (обычное дело в окружающем Славку мире), с позиции христианской, не значил ровным счетом ничего.

Так же, впрочем, как и присяга, которую принес Славка великому князю: клятва верности варяга – варягу. Иное дело, что для самого Славки варяжская клятва значила немало. Изменить князю на поле боя он и помыслить не мог. А коли речь идет о любовном споре, то тут другой обычай. За бесчестье муж вправе и жену наказать, и ее полюбовника. И виру взять хоть серебром, хоть кровью. Надо сказать, что охочий до чужих жен Владимир тоже, бывало, платил отступное. То есть не платил (князь все же), а одаривал. Хотя уж его-то на поединок вызвать мало кто рискнул бы. Изрядно умел Владимир Святославович на мечях. Да и боги, удача то есть, на его стороне. Князь!

Но в споре из-за Рогнеды обидчиком выходил как раз Славка. И он очень сильно сомневался, что Владимир станет с ним биться. Узнал бы он о связи сотника и княгини, попросту отдал бы прелюбодеев палачу.

Такой исход Славку категорически не устраивал. А поскольку отказываться от Рогнеды Богуслав тоже не намерен, то придется великому князю побыть в неведении.

Глава девятая, В КОТОРОЙ БОГУСЛАВУ ВСЕ-ТАКИ ПРИХОДИТСЯ ВЫЙТИ НА ПОЕДИНОК

День прошел в заботах. Славка готовился к походу в Киев: осматривал кнорр Хривлы и лодью, которую выделил Лунд. Нашел корабли вполне подходящими. Кроме лодьи наместник полоцкий предоставил Славке полусотню воев. Вои были – так себе. Лучшего из них Славка в бытность безусым отроком уделал бы одной рукой. Не дружинники. Ополченцы. Глупое мясо. Опивки сборной Владимировой рати, когда-то бравшей Полоцк. Оружные смерды. Разноплеменный сброд: меряне, чудины, воль, даже невеста как забредший в чужие края охотник-бодрич...

Единственная причина, по которой Лунд их кормил и жаловал: что пришли они из чужих краев и с кривичами сговориться никак не могли.

Славка высказал свое недовольство Лунду, но наместник не внял. Тоже понятно. У него каждый умелый дружинник – на счету.

Других нет, заявил Славке Лунд и обратил внимание на то, что все приданные вои – мужики крепкие и грести умеют хорошо. А если издали взглянуть, то и не поймешь, кто у Богуслава будет весла ворочать. Сочтут возможные недруги щиты да шеломы, решат, что имеют дело с немалой дружиной, – и в драку не полезут. А если все же полезут, так тут пособит Владимиров давний соратник Хривла.

С даном на кнорре пойдут одиннадцать матерых викингов и еще семеро пусть молодых, но по крови – тоже скандинавов. А это многое значит.

Так что Славка хоть и побурчал по поводу своих новых воев, но в основном – для порядка. На такой отряд ни одна разбойничья шайка напасть не рискнет. А рискнет – так там же вся и ляжет. Разбойники – не гридь. Умения воинского у них не больше, чем у мерян-водян Славкиных.

– Зато кормчего я тебе даю умелого и славного, – порадовал наместник Славку. – Десятника моего, Кведульва Мокрую Спину. Надежный воин. Вместе с конунгом нашим не раз в вики ходил.

«Еще один старый хирдманн Владимира, рассчитывающий на благодарность князя», – подумал Славка. И ошибся. Отчасти.

Кведульв Мокрая Спина оказался довольно молодым. И – крутого нрава, как вскоре выяснилось.

Помимо воинского отряда и припасов на лодье следовало разместить Рогнедину челядь и ее немалое имущество. С полудня взмыленные холопы и холопки под личным присмотром княгини принялись загружать Рогнедино богатство.

Тут-то кормчий и показал себя, свернув пару носов и повыкидывав обратно на причал большую часть Рогнединой клади. Взбешенная княгиня примчалась на берег и в ярости велела холопам скрутить кормчего и отколошматить палками.

Тут бы холопам и конец пришел, потому что Кведульв обнажил меч и с добродушной улыбочкой пообещал организовать полоцким воронам скорую и обильную поживу.

Холопов эта улыбочка не обманула. Всем ведомо: если нурман улыбается, значит, крови будет много – и крови не нурманской.

Пришлось вмешаться Славке. Кое-как он успокоил и княгиню, и кормчего. Первой пообещал, что возьмет на борт всё, что можно. Второму – что не позволит пустить лодью на дно грудой тяжелых сундуков.

Но присматривать за погрузкой Славке пришлось лично. И удовольствия это ему не доставило.

Вот посреди этих малоприятных хлопот к Славке и подошел его давешний недруг. Нурман Скегги.

– Что тебе надо? – раздраженно бросил Славка, только что разделавшийся с очередным сундуком.

– Ох и грозен ты, варяг, – Скегги ухмыльнулся. – Не хочешь ли отойти в сторонку? Разговор у нас будет – не для чужих ушей.

Голос у нурмана противный, шепелявый.

Передние зубы еще в юности Скегги франк вышиб краем щита.

Голос противный, но вид чересчур самоуверенный.

Славка насторожился.

Отошли.

– Говорят, отец твой – самый богатый человек в Киеве, – начал Скегги. – Правду говорят?

– А тебе какое дело? – бросил Славка.

– Я кое-что видел, – сообщил Скегги.

– Что ты видел?

– То, что я видел, стоит десять марок серебром.

– Да ну?

– Не веришь, – констатировал Скегги. – А между тем если я расскажу кому-то еще, то моя история обойдется тебе намного дороже.

– От меня ты не получишь ни куны! – отрезал Славка.

– Что ж, тогда я предложу свой товар другому купцу. Для начала – княгине Рогнеде. Сдается мне, она не станет жалеть серебра, ведь, если ее муж узнает о том, что кое-кто помогает ему в постельных делах, он очень рассердится. А когда конунг Вальдамар сердится, это очень неприятно для тех, на кого падает тяжесть его гнева.

– Тебе бы саги сочинять, нурман, – произнес Славка.

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Коли так, то не хочешь ли послушать сагу о себе? – предложил нурман. – Сагу, которая начнется с того, что один блудливый варяг проник в опочивальню супруги своего конунга и провел с ней ночь?

– Неплохое начало, – похвалил Славка.

С каким удовольствием он бы сейчас выхватил саблю и сделал из одного целого нурмана двух полунурманчиков. Но – нельзя. Неизвестно, кому чертов Скегги успел рассказать о том, что видел.

– Окончание тоже будет неплохим, – заверил Скегги. – Думаю, неверную жену конунг просто разметет конями, а вот для изменника он наверняка придумает что-то особенное. Ну как, стоит моя сага десяти марок серебром?

Славка задумался. Эта сволочь следила за ним. Но все, что он мог видеть, это то, как Славка вошел в покои Рогнеды. И как он их покинул.

– Жаль Рогнеду, – притворно вздохнул Скегги. – Эта женщина – настоящий огонь. Такой женщине трудно без мужской ласки... Но конунг вряд ли станет ее жалеть.

– Что бы ты ни болтал, нурман, кто тебе поверит? – спокойно произнес Славка.

Точно. Вряд ли у Скегги найдутся свидетели. Слово Славки – против слова нурмана. Нурмана, которого Славка избил у всех на глазах.

В таких случаях и у варягов, и у нурманов всё решает хольмганг. В том, что он сильнее викинга на любом оружии, Славка не сомневался.

– Думаешь, у меня нет видаков? – Скегги ухмыльнулся еще гнуснее. – Ошибаешься, варяг. Они – есть. Если я пойду к Лунду, он не оставит без внимания мои слова. Наказать тебя или Рогнеду – не в его власти. Зато он может взять кое-кого из трэллек жены конунга и поговорить с ними. Как думаешь, варяг, долго ли ему придется их уговаривать сказать правду?

Да, об этом Славка не подумал. Скегги, да пожрут псы его печень, наверняка видел девушку, которая приходила за Славкой. И неизвестно, кто еще из челяди княгини знает о прошлой ночи. Владимир, может, и не поверил бы, но Лунд Рогнеду ненавидит. Если он *спросит*, то получит именно тот ответ, который хочет получить. Викинги умеют развязывать языки матерым воям. Не то что теремным девкам.

Надо решать быстро. На них уже обратили внимание. Двое нурманов из собственного хирда Лунда. Судя по рожам, им было очень даже интересно, о чем может говорить публично обиженный Славкой Скегги со своим обидчиком.

Мысль пришла мгновенно. И, как показалось Славке, мысль удачная.

– Серебра хочешь? – громко, так, чтобы его услышали многие, произнес Славка.

– Хочу, – подтвердил Скегги.

– Значит, если я дам тебе серебро, то ничего худого обо мне ты более не скажешь?

– Не скажу, – охотно согласился Скегги. Хотя Славка ничуть не сомневался, что десять марок – только начало. Такому ублюдку только слабость покажи: не успокоится, пока не оберет дочиста.

– Что ж, – так же громко сказал Славка. – Ты, Скегги, назвал меня прихвостнем Роговолта. Обиды в этом я не вижу. Роговолт был славным князем, и служить ему было бы не зазорно. Но мало ли что еще сболтнет твой поганый язык?

Скегги ощерился. Понял, что дело пошло не совсем так, как он рассчитывал.

– Может, и впрямь дать тебе серебро? – продолжал Славка. – А то мало ли что ты наболтаешь? А, Скегги? Скажешь, что я замышлял убить наместника? Или обесчестить княгиню? Ты ведь не станешь молчать, верно, Скегги?

– Не стану! – злобно прошипел Скегги. – Даже и не надейся! Всем расскажу о твоих изменах!

– Я в этом и не сомневался, – спокойно сказал Славка.

Вокруг них уже собралась небольшая толпа. Дружинники, теремная чать, любопытствующий купчик, привезший в Детинец фураж для лошадей...

– Не хотелось бы мне ссориться с наместником Лундом из-за такого, как ты... – будто колеблясь, произнес Славка. – Но ведь и Лунд не заставит тебя проглотить ту хулу, что ты изольешь на меня?

– Никто не заткнет мне рот, рус! Никто! Я самому конунгу!.. Позор...

Когда Скегги кричал, голос его становился еще более невнятным. Однако заткнуть нурмана все равно было нужно.

Славка коротко, без замаха врезал Скегги в подбородок. Казалось бы, не очень сильно, но бить Славку учил отец, а отец был способен свалить с ног любого новгородца. Так что Славка не оплошал. Скегги грянулся оземь да так и остался лежать.

Нурманы кинулись было на помощь своему соратнику, но, увидев, что рус не собирается добивать Скегги, остановились.

Скегги ворочался на земле, пытаясь подняться. Из рта его текла кровь. Видно, язык прикусил.

– Зря ты, сучий выкидыш, князя нашего вспомнил, – мягко произнес Славка. – Мою обиду я бы тебе, может, и простил. Собака лает, ветер носит... Но теперь мне придется тебя убить.

Скегги с трудом встал на ноги, зарычал невнятно. Кровь и слюни текли по его подбородку.

Славка ждал, когда нурман схватится за меч. Тут бы Славка его и срубил.

Скегги сдержался. Сообразил, что сейчас лучше не лезть на Славку. Но оставлять такую обиду нельзя. Позорно.

– Хольмганг, – яростно прохрипел Скегги. – Завтра.

– Нет, – качнул головой Славка. – Завтра мы уходим. Сегодня. Выбирай, как ты умрешь, отродье Локи!

– Ты умрешь! – Скегги уже взял себя в руки, лишь глаза горели от ненависти. – Хольмганг. На ножах. На бревне.

И захохотал, глядя на изумленного Славку.

Взбешенный Лунд (чем бы ни кончился хольмганг, он неизменно оставался в проигрыше) отказался быть судьей, зато пообещал содрать с победителя полновесное головное: сорок гривен, если будет убит Скегги, и восемьдесят – если нурман прирежет княжьего сотника. Надеюсь, что корысть остановит хотя бы зачинщика Скегги. Нурман задумался...

– Может – по варяжской Правде сойдется? – предложил Антиф, взявшийся договариваться о том, как пойдет поединок.

Скегги задумался... Если они будут биться на перекрестке, в полном вооружении, то победителю достанется броня и оружие проигравшего.

Одна только кольчужка сына богатого боярина Сергея тянула на пятьдесят марок серебром¹⁰...

Но разумность нурмана все же перевесила его жадность. Скегги мотнул головой. На мечях против ненавистного киевлянина Скегги не выстоит.

– Ты обязательно должен драться? – спросила Рогнеда в краткий миг, когда они остались наедине. – Скажи только – и я попрошу Лунда посадить забияку в поруб до нашего ухода.

– Я должен его убить, – хмуро произнес Славка. – Я сам вынудил его бросить мне вызов. Он знает.

Рогнеда поняла.

– Ты справишься с ним?

– Справлюсь! – твердо сказал Славка и улыбнулся ободряюще: – Даже в Киеве не много воинов, которые могут пустить мне кровь.

Славка не стал уточнять, что речь идет об обычном поединке. Бревно же давало серьезное преимущество Скегги. Нурманы скачут и дерутся на бревнах с детских лет. Очень полезный навык для морской битвы. Любой из них может легко перебежать по веслу на чужой корабль даже при не очень спокойном море. Славка в детстве тоже научился бегать и прыгать по бревнам. Лет десять назад, во времена его обучения в детских. Однако Славка не сомневался, что по части удержания равновесия ничуть не уступит нурману. Он мог сто ударов сердца простоять на спине скачущей лошади, а бревно уж точно никуда не поскачет.

Бревно – пятисаженный неошкуренный сосновый ствол с обрубленными ветками и вершиной – установили на высоте четырех локтей от земли. Если упавший мог самостоятельно взобраться наверх, то поединок продолжался. Если не мог – считался проигравшим и, по установленным правилам, жизнь его принадлежала победителю. А тот уж сам решал: добить ли противника или взять выкуп.

¹⁰ Напомню читателю, что в описываемое время гривна тянула почти на четыреста граммов серебра, в то время как скандинавская марка уже «упала» примерно до двухсот восьмидесяти граммов. Эти величины, впрочем, тоже спорны, но – наиболее вероятны.

Поглядеть на хольмганг собралась тысячная толпа. В первых рядах – дружина и именитые люди, подальше – простые полочане.

Судил поединок Хривла. Задача судьи была проста: не допустить вмешательства посторонних.

Вооружился Славка легким чуть изогнутым ножом иноземной восточной ковки. Резать таким ножом было легче и удобнее, чем колоть. У Скегги нож был прямой и подлиннее. Вроде бы – преимущество. Однако Славка приготовил врагу подарок – поддел под верхнюю рубаху кольчугу. Весит она не много, а секущий или средней силы колющий удар выдержит.

Поединщики подошли к разным концам бревна, изготовились. Оба были босиком: так легче удерживаться на бревне. По команде судьи поединщики, подпрыгнув, ухватились каждый за свой край и, подтянувшись, уселись на бревно верхом. Скегги толкнулся руками, тотчас оказался на ногах и, выхватив нож, кинулся к Славке.

Славка замешкался: вскочить так же легко, как нурман, он не сумел. Но все же успел встать и встретил врага быстрым выпадом. Нурман легко увернулся, отпрянул и заплясал на бревне с удивительной для его роста и веса легкостью.

Славка двигался осторожнее и аккуратнее. Нападать не спешил.

Скегги приплясывал, размахивал ножом и кричал всякие обидные слова. Старался выговаривать повнятнее, чтоб все слышали. Правда, глумился исключительно над Славкой. Упомянуть княгиню не посмел: вокруг стояли полочане, а многие из них не Владимира, а последнюю из рода Роговолтова считали своей княгиней. Симпатии толпы и так на стороне Славки, а распусти нурман язык, это могло обернуться для него нехорошим. Например, брошенным в спину камнем.

Славка хулильные слова пропускал мимо ушей. Победителя определит не язык, а железо. Плохо, что он оказался в самом конце бревна. Отступать, если понадобится, некуда. Мелкими шажками, всячески показывая, как ему трудно удерживать равновесие, Славка двинулся вперед. Скегги тут же отреагировал: прыгнул навстречу, махнул ножом у лица, пугая, а сам ловко перебросил нож в левую руку и (видно, углядел, что на противнике – кольчуга) попытался подрезать Славке бедро.

Недооценить противника – серьезная ошибка. Будь на Славке верховой сапог – тут бы поединку и конец. Но босой ногой бить по шлему он побоялся и нанес удар в плечо.

Скегги слетел с бревна, как горшок с полки. Но, в отличие от горшка, не разбился, а приземлился мягко и тут же (нож – в зубы) стремглав бросился к дальнему концу бревна. И вскочил на него раньше, чем подоспел Славка. Однако до чего же ловкий нурман! Сразу видно: в детстве по скалам за птичьими яйцами лазил.

Второй раз сбить Скегги, уже подсечкой, не получилось. Нурман оказался начеку. Отступать ему было некуда, потому он ушел прыжком вверх – словно от меча – и ударил ножом сверху. Едва не достал. Нож вспорол рубаху и со скрежетом, вскользь, прошелся по кольчуге. Хороший нож: тяжелый, крепкий. Не нож, а маленький меч.

Славка отступил, а Скегги выиграл пару шагов. Он стоял уже не на краю.

Но теперь осторожничал уже нурман. Сообразил, что Славка лишь прикидывался неуклюжим, а на самом деле неплохо держит равновесие.

Некоторое время они играли, каждый пытался подрезать руку противника. Но на обоих были латные перчатки с железными пластинками, так что успехи, что у Славки, что у нурмана, были незначительные. Славка оцарапал предплечье Скегги с наружной стороны, а нурман зашиб Славке мизинец. Зато болтать Скегги прекратил. Раз быстрой победы не получится, следует поберечь дыхание.

Зрители заскучали и принялись подбадривать бойцов. В основном – Скегги. Главным образом – оскорбительно.

Скегги глупых криков толпы не слушал. Вчера он долго размышлял, чья удача сильнее: его или руса. Пришел к выводу, что удача руса – сильнее. Рус богат и славен. Он – сотник великого князя, а Скегги – простой хирдманн полоцкого наместника. Хотя если по делу, то все должно было быть иначе. До Полоцка и впрямь всё было отлично. Был Скегги-Шепелявый человеком Сигурда. На хорошем счету. Уехал бы с ярлом на юг, отличился бы в битве, возвысился. Конунг добрых и преданных воинов привечал... Но глупая стрела Олава, предназначенная вражескому лазутчику, положила конец удаче Скегги. Если Скегги убьет руса, удача руса перейдет к нему. И всё снова будет хорошо.

Если бы Скегги знал, что лазутчиком тем был его нынешний противник¹¹, возможно, не было бы и этого поединка. Но Скегги не знал. Никто не знал, кроме сына конунга Олава Трюггвисона. Но тот умел держать язык за зубами.

Перед тем как атаковать, Скегги спрятал руки за спину. Пусть рус угадает, с какой руки будет нанесен удар.

Славка угадывать не стал. Махнул ножом, целя в глаза. Клинок не доставал, но нурман все равно чуть подал голову назад, запрокинул на вершок... Этого оказалось достаточно. Славка ударил ногой снизу, метя в пах... Скегги все же углядел, выбросил вниз, защищаясь, десницу. Без ножа. А хоть бы и с ножом. Удар Славка не довел. Отклонился в сторону и назад, удерживая равновесие, и перевел прямой мах в боковой, по красивой восходящей дуге. Как отец учил. В настоящем бою такое бесполезно. Враг примет на клинок или опередит собственным уколом (рука с оружием всяко дальше дотянется – хоть мечом, хоть секирой, хоть копьем), но нож короткий, а бревно узкое – в сторону не отпрыгнешь. Нурман – воин матерый. Успел-таки разгадать Славкин двойной обман. Даже защититься успел – вскинул стремительно вверх правую руку... И тут уж попался. В самое последнее мгновение Славка еще повернул туловище, и послушная отточенному движению нога во второй раз переменяла направление и сверху, всей мощностью немаленького разгона угодила Скегги в бок на две ладони правее хребта.

Славка был босиком. Но и Скегги был без кольчуги и боевого пояса. Знатно пришлось. Нурману враз дух перекрыло. Глаза выпучились, тело закаменело... На миг всего, но Славке хватило. Будто оттолкнувшись от нурманова бока, Славка развернулся на опорной ноге, красиво, как танцующий скоморох, метнулся змеей вперед-снизу и полоснул ножом по нурманову горлу.

Все же славный воин – Скегги-Шепелявый. Окоченевший от жуткой боли, почти ослепший, не видел, но почуял смертельный удар... А может, просто ноги подогнулись. Но вместо мягкого горла цепанул Славкин нож твердую челюстную кость. Да и вошел под нее. Пробил снизу мякоть, язык и увяз в верхнем своде нёба.

– Повезло ему, – сказал лекарь, обтирая вымытые руки поданным рушником. – Мимо кровяных жил прошло железо. Да и рану прижгли вовремя – ржой не истек. Так что жить будет. А вот говорить внятно – не знаю. Язык у него теперь раздвоенный, как у змеи.

– Он и раньше не особо внятно болтал. Да и то глупости всякие. – Лунд поглядел на забинтованного по глаза нурмана. Скегги пребывал в счастливом беспамятстве. Лекарь влил в него довольно макового настоя, чтоб раненый проспал до следующего утра.

– Огневицы быть не должно, – заверил лекарь. – Рана чистая. Есть ему не давать. Водой поить сам буду. Даст Бог (лекарь был христианином из чешского города Кракова), через месяц в строй встать сможет.

Лекарь собрал сумку, поклонился наместнику, дружески кивнул Славке, с матерью которого был знаком, и вышел.

¹¹ Желаящих узнать об этой истории подробнее отсылаю к моей книге «Язычник».

– Тебе тоже повезло, – сообщил наместник Славке. – Не пожалел бы его – я б с тебя полную виру взял. А раз живой твой супротивник, то обойдемся малым – оплатишь лекаря и бабку, что ходить за раненым будет.

– Не по Правде это, – не согласился Славка. – Поединок был честный. Никто никому не должен. А коли по вашему закону брать – так это ему еще от меня и откупаться. Не буду я платить!

Упирался Славка просто так, из гордости. Плата за лекаря и сиделку – мелочь. А получилось хорошо. Верно, Бог направил Славкину руку: и не убил, и языка лишил. Но Славка – не полочанин, а такой же княжий человек, как и наместник полоцкий. Лунд ему не указ. Да и не хотелось Славке за Скегги платить. Чай не нищий, нурман-то.

Лунд нахмурился, но Славка нашел чем его утешить.

– Не держи обиды, – быстро сказал он. – Вот тебе дар от меня, – и протянул Лунду кинжал, которым порезал Скегги.

Лунд мгновенно помягчел, принял оружие, оглядел клинок, попробовал остроту, спросил:

– Тот самый? А если помрет Скегги? – Лунд испытующе поглядел на Славку.

– Тогда уж сам и решай¹², – усмехнулся Славка.

Знал, что наместник шутит.

– А стоит небось не менее марки серебром. Подороже, однако, чем работа лекаря.

– Да это же дар, – пожал плечами Славка. – Дар и должен быть щедрым, иначе это не дар, а подачка.

¹² По старинным скандинавским обычаям посторонний человек (не побратим и не родственник), который вынимает из тела или принимает в дар оружие, которым совершено убийство, берет на себя и обязательство кровной мести.

Глава десятая БЫК И ЛЕБЕДЬ

К волоку подошли вечером. Деревенька, чьи жители кормились от волока (их оброк и заработок – предоставлять тягловых быков и держать волок в исправности), была невелика: десяток изб. Две, почище, освободили. Одну – для Рогнеды с челядью, другую – для Славки. Хривла предпочел ночевать со своими на кнорре.

В сумерках Рогнеда и Славка вышли прогуляться по берегу. Пешком. Лошадок, в том числе и Славкиного Ворона, пришлось оставить в Полоцке. В лодье с ними было бы тесновато. Лунд обещал отправить коней в Киев с первым же большим обозом.

За Славкой и Рогнедой, чуть поодаль, следовали верный Антиф на пару с княгининой челядинкой Мывкой, которая несла в платке маленького Изяслава. Антифу Славка открылся еще в Полоцке. Друг не выдаст. Мывка же доводилась княгине молочной сестрой и готова была для хозяйки на всё. Это она легла под Владимира той страшной ночью.

Дожди прекратились. Погода стояла сухая и сравнительно теплая. К радости Славки и княгини. Потому что влюбленные могли побыть наедине только во время таких вот коротких прогулок.

Путешествие их протекало мирно, но – тесно.

На лодье уединиться было можно (Рогнеде поставили на корме отдельный шатер), но делать это часто и у всех на глазах – опрометчиво. Донесут Владимиру – мало не будет. Зато беседовать можно было и у всех на виду. Вот и беседовали. Княгиня – на подушках, повыше, Славка – на скамье, пониже. Как и подобает верному князьему сотнику. Всё благочинно. Рогнеда спрашивала – Славка отвечал.

Княгиня хотела побольше узнать о Киеве: о народе, о лучших людях, о врагах-друзьях.

Славка о родном городе знал всё. О его окрестностях – тоже. Каждый овраг, каждый дуб – на двадцать поприщ от любых ворот. Да и дальше. Рассказывал о пограничных городках вдоль Дикого Поля. О днепровских порогах. О далеком острове Березань и более близком острове Хорса, где степняки погубили великого князя Святослава и лишь чудо спасло от смерти Славкиного отца. Рассказывал о диких печенегах, о хитрых и богатых ромеях. О Тмуторокани, где бывал сам, о Булгарии и Угрии, где не был, но о коих много слышал от отца и брата. Рассказывал о византийских императорах. О могучем Никифоре, который искал союза с князем Святославом. И об Иоанне Цимисхии, который отнял у русов Булгарию, но не честь. Рассказывал и о другом императоре, Западном, – Оттоне. К Оттону ходил с посольством брат Артём. Еще при Ярополке. Прежний князь киевский весьма почитал Царьград и его силу. И потому искал сильных союзников на стороне. Умен был Ярополк. Но – слаб и доверчив. Владимир лучше. Так говорил Славка и говорил искренне. Что, впрочем, не мешало ему любить жену своего князя. А почему, собственно, нет? Разве Владимир не брал чужих жен? А с кого брать пример гридням, как не со своего князя?

Славка знал многое о мире. Намного больше, чем молодая княгиня, которая никогда не покидала полоцких земель. Рассказывал Славка интересно. Научился у отца, который считался отменным рассказчиком и сыновей тому учил. Слушали его все: челядь, гребцы, даже кормчий Кведулль, ходивший в вики, и на фризов, и на франков, и к туманным берегам Британии.

В общем, беседовали много. А чем еще заниматься в пути? То есть Славка с Рогнедой знали – чем. Но не в лодье.

Лишь по вечерам, когда их люди ставили лагерь, Славка и княгиня уходили подальше от лишних глаз (Антиф и Мывка присматривали, чтоб глаз этих не было) и любились прямо под деревьями, быстро и жадно.

Так же и в этот вечер.

Раскинул Славка шерстяной плащ с шелковой подбивкой у старой березы, побросал поверх зброю и одежду. Аккуратно положил саблю, вынутую из ножен (воин – всегда воин), выпрямился во весь немаленький рост, раскинул руки и принял в объятия голенькую, дрожащую от прохладного воздуха (или от страсти?) Рогнеду. Поцеловал жадно, поднял. Княгиня тут же обвила его руками и ногами – будто лазун на ярмарке – смазанный салом столб.

Крепки ноги Рогнеды, с детства привыкшие сжимать конские бока. Крепки и жарки. Но еще жарче то, что прячется между, что сочится соком, будто надрезанная березовая кора.

Шагнул Славка назад, оперся спиной о шершавый ствол, подхватил ладонями тугие бедра у напрягшихся ягодиц, приподнял, раздвинул слегка, опустил точно и плавно. Будто нож вогнал между ребер в сердце.

Женщина вскрикнула знакомо и хрипло, будто огромная кошка. Вцепилась пальцами – как когтями – в Славкины каменные плечи, запрокинула голову так, что распущенные косы, качнувшись, ударили по спине. Славка еще крепче прижался спиной к дереву, чувствуя, как уходит душа ввысь, в сумеречное небо, а сыра земля полнит силой вросшие в нее ступни, будто не человек Славка, а сказочный великан...

Потом они некоторое время (совсем недолго) лежали, обнявшись, завернувшись в теплый плащ, остывая.

– Скажи, а кто сильнее: я или Владимир? – спросил Славка лукаво, заранее угадывая ответ.

Не угадал.

Рогнеда засмеялась хриловато (горло еще не отошло от крика) и сказала не – «ты», как ожидал Славка, а – «Дурачок!».

Славка обиделся, но женщина куснула его за обиженную губу и сказала серьезно:

– Владимир – бык, а ты – лебедь.

Славка хотел обидеться еще больше, но не сумел. Потому что заинтересовался. Тогда Рогнеда пояснила:

– Владимир – он сам по себе. Ему лишь бы самому усладиться да баб поболее покрыть. А лебедь, тот своей лебедушке навсегда верен и вместе с ней услаждается и радуется. Как мы с тобой.

И спросила робко:

– Да?

– Да, – подтвердил Славка.

Он больше не обижался.

Антиф и Мывка сидели обнявшись.

Заслышав шаги, Антиф поднялся, поправил боевой пояс, произнес негромко, но веско:

– Не хотел тебя тревожить, брат.

– А что такое? – насторожился Славка.

– По реке звук пришел, – сказал Антиф. – Вроде железом звенели.

– Давно ли?

– Хватило бы кулеш сварить.

Изяслав проснулся и захныкал. Рогнеда тут же дала ему грудь.

Славка сбежал на песок, прислушался...

Ничего. Дымком не тянет, потому что ветер от Славки, а вот то, что голосов не слышно, это настораживает. Как-то не верится, что все уже поснедали и спать улеглись.

Славка взбежал на берег, коротко кивнул Антифу, приобнял княгиню, заглянул блестящие лунным светом глаза:

– Ладо моя, мы с братом сбегает вперед, а вы с Мывкой ждите нас здесь. Сами никуда не ходите, но ежели до рассвета не вернемся – ступайте вниз по реке. Поприщем ниже городок стоит. Недалеко. С маленьким дойдете. Городок называется Малый Торжок. Славный городок. Там купец живет. Зовут Горазд. Верить ему можно, но все же, ладо мое, открываться ему не надо. Назовись сродницей моей. То есть лучше не моей – отца моего, боярина Серегея. Горазд вас в Киев сопроводит.

Почувствовав, как напряглись плечи женщины, Славка легонько погладил ее по спине, проговорил успокаивающе:

– Ты не бойся, ладо моя! Это я так, осторожничаю. Ничего с нами не случится. Мы с Антифом – воины умелые. Степняков прямо из кибиток вынимали. Да и уверен я: не случилось ничего худого. Там же семь десятков оружных. Целое войско!

Рогнеда спорить не стала.

– Меч мне оставь, – потребовала она. – Мало ли... волки...

Славка знал, что в это время года волки на человека не нападут никогда, однако тоже не стал спорить. Отстегнул от пояса меч-шуйцу и вместе с ножнами передал княгине. С оружием управляться дочь Роговолта умела. Случись что – оборонит от злого человека и себя, и Мывку с ребеночком. Для Рогнеды меч тяжеловат, но если двумя руками взяться – в самый раз получится. Сабля полегче, но если без меча Славка мог обойтись, то без сабли, случись бой, – никак.

Глава одиннадцатая

ЗАСАДА

Когда друзья добрались до стоянки, луна уже зашла. Вытащенные на песок корабли темнели на фоне чуть более светлого неба. На песке тлели угли двух кострищ. Над углями висели котлы с негромко побулькивающим ужином. За ними никто не присматривал. Соблазнительно пахло разваренной крупой и копченым мясом. Славка сглотнул слюну. Антиф тронул его за плечо, показал знаком: что делаем?

Славка, тоже знаками, велел: прикрывай, я разведую.

Антиф кивнул, вынул три стрелы, аккуратно воткнул в землю оперением вверх. Тетиву на рога он набросил загодя.

Славка проверился: не звякнет ли бронь, вынул из чехлов и сунул под пояс пару метальных ножей.

Никаких признаков присутствия человека ни на лодье, ни на кнорре Славка не разглядел. Тем не менее подбирался скрытно: сначала – в камыши, потом – по кромке мокрого песка вдоль воды. По сухому бесшумно идти труднее. А от воды и так звук идет: то рыба плеснет, то лягушка прыгнет...

Темный нос лоды навис над Славкой. Носовая фигура, сокол с широко разинутым клювом, темнела на полуторасаженной высоте. Борт – немногим ниже, но на него гостеприимно вели сброшенные на песок сходни.

Славка сходнями не воспользовался. Пополз по одному из весел. Добравшись до уключного окна, привстал и осторожно заглянул внутрь. Лодейная палуба была пуста. То есть на ней не было людей. А вот вещи оставались на месте. Даже сундуки княгини никто не тронул. Загадочно...

Славка уже собрался перемахнуть через борт... Но медлил.

Что-то Славку определенно тревожило. В происшедшем было немало странного. Например, то, что ни на песке внизу, ни на палубе не осталось духа сечи: тяжелого и густого запаха крови и вспоротого нутра. Это могло означать только одно: и его вои, и хирдманны Хривлы сдались неизвестному противнику без боя.

Поверить в это было трудно. Особенно касательно матерых викингов.

Палуба лоды не пахла кровью, но в ночном свежем воздухе определенно ощущался привкус чужого...

Славкин нос много уступал собачьему, но пользоваться им Славка умел. И привык доверять чутью не меньше, чем зрению и слуху. Потому еще и еще раз осматривал палубу лоды, пытаясь угадать, что его встревожило.

Наконец нашел. У кормы, в темном закуте, лежали свернутые бухты канатов: еле различимые даже Славкиным кошачьим зрением темные груды... И что-то с ними было не так.

Славка закрыл глаза, сосредоточился, попробовал вызвать в груди Перунов огонь. Этому его еще в отрочестве научил Рёрах, и с каждым годом у Славки такая волшба получалась всё лучше и лучше. Рёрах говорил: сила крепнет с каждым убитым врагом.

Получилось. В груди родилось радостное пламя, по рукам побежал огонь. Славке стало легко и весело, а, главное, когда он открыл глаза, темная ночь обратилась в смутные сумерки. Будто луна снова взошла. Очень хорошо получилось, как никогда прежде.

Этим новым зрением Славка легко увидел то, что хотел. На канатных бухтах, прижавшись спиной к борту, лежал человек. Бездвижно лежал, как мертвый. Но человек этот определенно не был мертвецом. Мертвецу взведенный самострел без надобности.

Будь у Славки лук, он без труда прибил бы шею стрелка к борту. Но, во-первых, лука у Славки не было. Вернее, был, но далеко. Никем не тронутый лежал себе спокойно в налучи

с прочими Славкиными вещами в трех шагах от стрелка. Ну а во-вторых, если засадника с самострелом убить, то он вряд ли скажет, куда делись Славкины вои.

Кроме того, этот засадник, может, был не единственным, а щелчок тетивы и удар стрелы привлекут внимание любого мало-мальски опытного воя. Шум Славке сейчас – ни к чему. Поэтому он и нож метать не стал. Соскользнул вниз, обогнул лодью, снова взобрался по веслу и возник над бортом прямо над затаившимся стрелком.

Тот Славку не услышал. Тихие звуки скрадывала плещущая о борт вода, а громких не было.

Самым громким из произведенных Славкой шумов был резкий и мощный удар кулаком, после которого засадник обмяк и уронил самострел. Самострел Славка успел подхватить вовремя.

Полезная предосторожность. Даже совсем слабый звук потревожил бы второго.

Этот прятался на носу, и, выглянув в первый раз, Славка никак не мог его заметить. Но сейчас он высунулся из-под рогожки и негромко позвал:

– Эй, Чирик?

– У-у-у... – неопределенно отозвался Славка.

– Как думаешь, они придут к нам – или сразу в деревню.

– Ну-у-у... – еще более неопределенно изрек Славка.

– Ты там что, спишь? – забеспокоился второй. – Не спи, Чирик! Воевода шкуру спустит.

Лучше кваску испей. Хошь квасу?

– Угу, – таким же вялым голосом поддержал разговор Славка.

– Тогда вставай и иди сюда! – сердито потребовал второй караульщик. – Я не холоп – квас тебе подносить.

Славка поднялся, сутулясь, чтобы скрыть свой рост и стать, и заковылял между скамьями, благодаря Бога за спасительную тьму.

Второй караульщик так и не опознал в Славке чужого. Доверчиво сунул горлышко бурдюка в протянутую шуйцу. И получил оголовьем кинжала по макушке. Убивать его Славке не хотелось. Судя по голосу, караульщик-лопух был своим, кривским. Кроме того, Славка настрожило слово «воевода». У татей-разбойников воевод обычно не бывает.

Воевода... Если допустить, что на корабли напала не шайка разбойников, а настоящее войско? Могли его люди сдаться многократно превосходящему противнику?

Могли. Даже матерые нурманы не бросятся в заведомо бессмысленную битву. Если они не ульфхеднары или берсерки¹³. Но среди хирдманнов Хривлы «оборотней» вроде не было.

Славка быстренько разоружил обоих караульщиков, связал и на всякий случай заткнул им рты.

Теперь – кнорр.

Борта у корабля Хривлы были повыше, чем у лодьи. И мест для того, чтобы укрыться, здесь было побольше. Но на сей раз Славка подкрадываться не стал. Спокойно взошел по сходням, неторопливо и шумно, покачивая в руке бурдюк с квасом.

Перемахнул неуклюже через борт, уселся на гребную скамью и предложил, булькнув содержимым бурдюка:

– Кваску?

– Эт можна! – тут же отозвались откуда-то из-за мачты. – Третей, ты, что ли?

– Не-а, – честно ответил Славка, старательно подражая кривскому выговору. И тут же соврал: – Чирик.

¹³ Ульфхеднар – воин, полагающий себя волком-оборотнем. Так же, как и более известный в нашей литературе берсерк, – тот считает себя медведем.

– Квасок – эт хорошо! – Первый караульщик вразвалочку двинулся к Славке. А где же второй? Не может быть, чтобы на лодье – двое, а здесь – один!

Точно. Вот и второй. Всего лишь в нескольких шагах, за шестой от Славки скамьей. Отложил самострел, которым он (молодец, осторожный) выцеливал Славку, и, убаюканный уверенностью первого, тоже двинул за кваском, ловко перешагивая через гребные скамьи. По этому шагу Славка угадал в нем человека, привычного к палубе. Да и первый тоже двигался аккуратно. Будто стоящий на песке кнорр в любой миг мог закачаться на волнах. Такую привычку не избудешь. Гридни или купцы? Хорошо бы купцы... С гриднями сладить намного труднее.

Первый уселся рядом со Славкой, и тот, не медля, пока вой не успел распознать в нем чужака, протянул бурдюк.

Второй в это время как раз перешагнул последнюю скамью и начал опускаться на нее, когда Славка, крепко упершись в борт, выбросил вверх ногу. Точно в челюсть попал.

Противник отлетел назад и упал, крепко приложившись о дальнюю скамью.

Первый тут же уронил бурдюк и схватил Славку за горло.

Оба вскочили – и Славка оказался на полголовы выше. Но – здоров, разбойник. Хорошо, что Славка вовремя успел прижать подбородок к груди.

– Ты не Чирик! – проявил проницательность Славкин недруг. И прихватил Славкину шею второй рукой. Надо полагать, рассчитывал придушить и взять живьем.

Удара ножом в бок недруг не боялся. На нем была бронь.

Теперь Славке полагалось хрипеть и отдирать руки противника от горла.

Славка хрипеть не стал. Врезал коленом промеж ног своего душителя, да так крепко, что тому даже кольчужная юбка не помогла – сам захрипел. Но горло Славкино не выпустил. И напрасно. Все же он имел дело не со смердом-пахарем. Освободиться от такого захвата в Детинце учат еще в детских. А Славку к тому же еще и отец учил. А уж воевода Серегей, он – большой мастер всяких борцовско-кулачных штук.

Мгновение – и горло Славкино освободилось, а его противник оказался в очень неудобной позе: с больно вывернутой под затылок рукой. Теперь уж его собственное горло оказалось в захвате – под Славкиным локтевым сгибом.

Противник попытался заорать, но лишь выдавил из себя жалкий сип.

Славка приподнял его, прижал к себе, как молодец – подружку. Хотя нет, от такого объятия у подружки ребра бы треснули. Схваченный затрепыхался, забил свободной рукой, засучил ногами... Но на слабые пинки Славка не обращал внимания, а дотянуться до рукояти меча у противника не было никакой надежды. Трепыхание длилось недолго. Не успел Славка и до ста досчитать.

И этого Славка не стал добивать. Просто связал, как и его напарника. Затем высунулся над бортом и четырежды ухнул по-совиному.

Антиф покинул укрытие и вышел на открытое место.

Славка перемахнул через кнорров борт и приземлился на рыхлый песок.

Неправильное решение.

Прилетевшая из леса стрела взбила фонтанчик как раз между ним и Антифом.

Еще две воткнулись слева и справа.

– Оружие наземь! – рявкнул повелительный голос.

Попались. На фоне светлого неба Славка и Антиф – как на ладони, а опушка леса – сплошная темень. Можно, конечно, и на звук стрелять, но противников не меньше трех (тетивы щелкнули почти одновременно), а против трех хороших стрелков с одним луком (Славкин остался на палубе) будет трудновато.

Вот только стрелков было не трое. Тьма шевельнулась, и на светлый песок выступила целая стена воев. Никак не меньше тридцати.

Славка вздохнул, расстегнул и уронил на песок боевой пояс. Были бы нурманы – дрался бы. Этим живьем лучше не попадаться. А тут вроде свои. Глядишь, обойдется...

– Так-то лучше, – одобрил повелительный голос. – Вяжите их, братцы.

Бежать в темноте по незнакомой тропе, да еще когда тебя подталкивают древком в спину, – невелика радость. Особенно если у тебя на шее – затяжная петля.

Хорошо хоть дорога была недалеко.

Как раз до дома, который этим вечером облюбовала Рогнеда.

Только вместо Рогнеды на широкой лавке восседал здоровенный кривич, по глаза заросший желтой лохматой бородой.

Славку и Антифа втолкнули внутрь, сняли с шей петли. Но в драку лезть все равно не стоило. Руки умело скручены за спиной, вокруг – крепкие, привычные к оружию мужи.

– Где княжна? – напрямик спросил бородач.

– Княгиня Рогнеда? – на всякий случай уточнил Славка.

– *Княжна* Рогнеда! – рыкнул бородач. – Где она, варяг?

– Где мои люди? – задал встречный вопрос Славка.

Бородач поднялся. Здоровый, как тур. Даже повыше Славки. Подошел неспешно, глянул в глаза... И вдруг, внезапно, врезал Славке в скулу.

То есть это бородачу показалось, что внезапно. Пока желтобородый замахивался, Славка успел бы ему с обеих рук залепить. Если б были не связаны. А так всего лишь пригнулся, уклоняясь, и на возврате треснул бородача лбом. В нос. Не достал. Здоровяк тоже был не лыком шит: успел увернуться.

Тут же Славку подхватили под локти... Зря. С опоры бить еще и удобнее.

Бородача отнесло обратно на лавку, а те, кто держал Славку, вместе с ним отлетели на другую и повалились на пол. Славку они, к сожалению, не отпустили. Так и барахтались втроем на полу, пока не подоспели остальные.

Славку пнули пару раз по ребрам (в броне – не страшно) и поставили на ноги.

Бородач тоже особо не пострадал. Его брюхо прикрывал пластинчатый доспех, а под доспехом, надо полагать, неслабые мышцы...

– Варяг, – полуодобрительно-полусердито проворчал желтобородый. – А вот я сейчас тебе бока каленым железом попробую!

– Попробуй! – Славка глядел на бородача в упор, не мигая.

Если решат пытаться, все равно будут. Зачем унижаться?

– Целы твои люди, – сказал бородач более миролюбиво. – Даже нурманов еще резать не начали. А вот где они – тебе знать необязательно. А знать ты должен то, что, если будешь правильно себя вести, мы вас отпустим. Всех.

– В Ирий? – поинтересовался Славка.

– В Киев. Так что говори добром, где княжна, потому что пытаться тебе мне не хочется.

– Это откуда такая жалость? – поинтересовался Славка.

– Так ведь и ты моих людей пожалел, – объяснил желтобородый. – Однако, если будешь молчать, придется мне тебя спрашивать строго. И дружка твоего чернявого.

Тут за спиной Славки раздался шум, и в избу вошел еще один человек.

Оружный и бронный, крепко пахнувший лошадиным потом.

– Вот эти, что ли, полоняники? – бросил он еще с порога, из-за Славкиной спины.

Желтобородый уважительно встал. Славка обернулся:

– Кулиба!

– Ха! – воскликнул бывший полоцкий гридень, когда-то сваливший Славку молодецким ударом кулака. – Ну, Станята, ты и знатную добычу взял! Это же Богуслав, боярина киевского Серегея младший сынок! Ну, здорово, добрый молодец! – Кулиба остановился напротив

Славки, расставил ноги, упер кулаки в бока: – То-то воевода порадует. Очень хотел он с тобой перевидаться. Ай, молодец, Станята! Пожалует тебя наш воевода! Ну что ты так на меня глядишь, Богуслав Серегеич? Ужель не рад?

– Руки мне развяжи, – ледяным тоном произнес Славка. – Тогда, может, и обрадуюсь.

– Развяжи его, Станята, – сказал Кулиба.

– А драться он не будет? – не без опаски поинтересовался бородач.

– Чего? Он же без оружия!

– Так он и без оружия четверых моих караульщиков положил.

– О как! Что ж ты неумех в караул поставил? Сказано же было...

– Почему неумех? – обиделся Станята. – Бывалые вои. Только он их все равно повязал. Причем по-тихому. Хорошо у меня еще два дозора в леске сидели...

– Развяжи! – скомандовал Кулиба. – Управимся как-нибудь. – И подмигнул Славке. – А второй – кто? – Кивок в сторону помалкивающего Антифа.

– Побратим мой. – Славка принялся растирать онемевшие кисти. – Его тоже развяжите. И поесть нам что-нибудь. С полудня ни крошки во рту.

– Гляди, уже распоряжается! – удивился Леший. – Сразу видать – целый сотник! А накор-мим, скажешь, где княжна?

– Княгиня! – сердито поправил Славка. – Хорошо, что напомнил. Снедать потом будем. Кулиба, чую, ты – конный?

– Конный, – признал бывший полоцкий гридень. – Спешил на тебя глянуть, – и, сообразив: – Ты только скажи, где, – мигом слетаю!

– Вместе поедем, – сказал Славка. – Тебе она не покажется. Пусть и мне оседлают. Станята, распорядись!

– Э нет! Так не пойдет! – Станята вскочил с лавки. – Сам-на-сам ты, Кулиба, с ним поедешь! Нет уж! Я, Кули-ба, тебя уважаю, но, случись что, – воевода с меня голову снимет!

– Делай, что говорят, – проворчал Кулиба. – Будет с меня указчиков.

Станята всё еще колебался. Потом придумал:

– Пусть поклянется варяг Перуном своим, что худого не задумал и Роговолтовну честно к нам привезет!

– Да ты... – начал Кулиба грозно.

– Я поклянусь, – перебил Славка. – Но не Перуном, а Господом Иисусом Христом. Клянусь, что не задумал худого и вернусь сюда с княгиней Рогнедой! – Славка вытянул из-за пазухи крест и поцеловал его. – Годится?

– Угу. Выходит, ты в ромейского бога веруешь? – Леший хмыкнул. – А я-то думал: почему ты моих воев не убил... Вам же убивать не велено.

– Если к нашему возвращению стол не будет накрыт – собственными руками задушу, – пообещал Славка.

Глава двенадцатая, В КОТОРОЙ БОГУСЛАВ ОТКАЗЫВАЕТСЯ СТАТЬ КНЯЗЕМ

– А все же, почему ты их не убил? – чуть позже спросил Кулиба.
– Ссориться с вами не хотел.
– Выходит, ты знал, что мы – Устаховы?
– Нет. Зато я знал, что мои люди – у вас. Пока крови меж нами нет, могли бы договориться.

– Молодец! – похвалил Кулиба. Но тут же похвалился: – А все ж мы тебя взяли! И людей твоих – никто и не пикнул. Нурманы, правда, поерепенились, но драться не стали. Сообразили, что к чему, когда стрелков наших увидали.

– И много было стрелков? – поинтересовался Славка.

– Две большие сотни. А надо – и больше было бы. Хоть с луками, хоть с самострелами. Только и этих хватило.

– У вас что же – целое войско?

– А то! – гордо произнес Кулиба. – Могли бы еще весной Полоцк отбить.

– Что ж не отбили?

– Так Рогнеда же! Мало ли что с ней при штурме случиться могло. Всё, хватит меня выпрашивать. Приедем к воеводе, он тебе сам все обскажет.

– Рогнедушка, – негромко позвал Славка.

– Ты, любый?

За Славкиной спиной удивленно крикнул Кулиба.

Славка мгновенно развернулся. Полоска сабельного лезвия оказалась у Кулибина горла так быстро, что он и вздохнуть не успел.

– Никому! – прошипел Славка. – Даже воеводе! На куски порежу!

Кулиба не испугался.

– Наш пострел везде поспел, – шепнул он насмешливо. – Не бойсь, Серегеич. Не выдам.

– Кто это с тобой? – Славка разглядел в руках княгини собственный меч. Держала она его правильно: сунься – ужалит, как змея.

– Друг, – успокоил Славка.

– Так и есть, пресветлая Рогнедь Роговолтовна, – заверил его спутник. – Батюшки твоего гридень я, Кулибой кличут.

– Помню тебя, – без особой радости сказала Рогнеда. – Мывка, выходи.

Путь верхами короток. Вскоре они все уже сидели за накрытым столом.

Рогнеду здесь привечали по-княжьи. Величали, кланялись в пояс...

Славка не знал, что и делать. По всему, дело его было провалено. Привезти Рогнеду в Киев ему не удастся. Но, может, оно и к лучшему. Неизвестно еще, как встретит Рогнеду законный супруг. Батя говорил: Владимиру не столько сама Рогнеда нужна, сколько сын ее, Изяслав. «Кровь Роговолтова – ключ от Полоцка, – говорил боярин Серегей. – А Полоцк Киеву нужен».

Приехал Устах.

С прошлой встречи воевода Роговолта изменился мало. Разве что в длинных варяжских усах седины прибавилось.

– Здрава будь, княжна!

– Здоровья и тебе, дядька Устах! Только я не княжна уж, а княгиня. Князю киевскому младшей женой отдана, ужель не слыхал?

– Младшей? – Лохматые брови воеводы сошлись к переносице. – А кто ж тогда – старшая? Не иначе кесаревна ромейская?

– Прежде была Олава, дочь Тюри.

– Я слыхал: она умерла родами? Выходит, теперь старшая – ты?

– Это уж как великий князь решит, – смиренно ответила Рогнеда, опустив глаза.

Устах некоторое время глядел на нее, хмурился. Потом, видно, догадался.

– Вышли все, – велел он.

Его люди хоть и без особой охоты, но покинули избу. Антиф вопросительно глянул на Славку. Тот кивнул, и Антиф вышел. Однако сам Славка остался. Его удержала Рогнеда.

– У меня под рукой пять сотен мечей, – напрямик заявил Устах. – Все – из гриди твоего батюшки. И вдвое больше стрелков-охотников. А ежели понадобится – еще столько же подниму.

– К чему ты это все говоришь, дядька Устах? – Рогнеда крепче сжала пальцы Славки.

– К тому, что одного лишь слова твоего довольно, чтобы выкинуть чужих из Полоцка. Городские ворота нам откроют, а из Детинца мы их в три дня вышибем.

– А дальше что?

– А дальше, Рогнедь Роговолтовна, будешь сама княжить. Хоть своим именем, хоть именем сына, как пожелаешь.

– Недолгим будет мое княжение, – заметила Рогнеда. – Как придет из Киева рать, так оно и закончится.

– Мешко, князь ляшский, помочь обещал, – сказал Устах. – Я с послами его говорил. Верю, что не обманет. Ему сильный Киев не нужен.

– Я с его послами тоже говорила. Мне они тоже обещали немало. Например, мужа доброго из лехитских бояр.

«Вот это новость!» – подумал Славка.

– Со мной об этом речи не было, – нахмурился Устах. – И что ты сказала?

– Что я – жена великого князя Владимира. Зачем мне муж – боярин?

– Младшая жена, – напомнил Устах. – Да и ни к чему тебе замуж за лехита. Коли захочешь мужа – выберешь сама, – быстрый взгляд в сторону Славки, – того, кто тебе по сердцу. Полоцк – твоя вотчина. Ужель не хочешь убийце родичей твоих отмстить?

– Хочу, – согласилась Рогнеда, и глаза ее сверкнули. – И отмщу. В этом не сомневайся. Но не тем, что сделаю мой город кровавым призом в распре Владимира и Мешко. Полоцк – моя вотчина, Устах. И она достанется не какому-нибудь лехиту, а моему сыну. – Рогнеда встала. Поднялся и Устах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.